

Из детских типов

Можно изучать отдельных детей, можно изучать целые группы однородных по своим свойствам детей (детские типы), можно изучать свойства, присущие всем детям. Каждый вид ознакомления с детской природой имеет свои достоинства и недостатки свои удобства и неудобства. Для того лица, которое желало бы полно и в стороне ознакомиться с природою детей, было бы весьма полезно и даже необходимо воспользоваться всеми тремя способами, дающими возможность проникнуть в детскую душевную жизнь. В настоящем случае мы избираем лишь один из указанных способов — изучение детских типов, обещающее раскрыть нам особенности душевного склада многих детей. Для своей цели мы воспользуемся тем богатым фактическим материалом, который заключается в автобиографиях и биографиях разных выдающихся деятелей. Мы не будем теоретически строить схему типов, а будем обобщать то, что дают факты. Так как между детством и последующими возрастами человека существует самая тесная связь, то известный детский тип является вместе с тем и общечеловеческим типом. Черта, преобладавшая в детстве над другими, пышно расцветает в последующие возрасты, определяя собою всю духовную физиономию человека. В период детства намечается вся природа, все существо человека.

I — Чувствительный тип

Чувствительный тип — Жан-Жак Руссо (1712 — 1778), франц. писатель, философ

Читая «Исповедь» Руссо и автобиографические сочинения Песталоцци¹, мы встречаем в них общие черты, характеризующие один и тот же душевный тип. По преобладающему свойству этот тип может быть назван чувствительным. Сердечная жизнь богато развита, сильно выдвигается на первый план, заслоняя до известной степени другие стороны психической деятельности. Но звание «чувствительный тип» не исчерпывает его содержания; этот тип, как и все другие, сложный; название отмечает только преобладающее свойство. Присмотримся ближе к характерным чертам этого типа и прежде всего к его главному свойству — чувствительности.

¹ Главным образом «Лебединую песнь», «Как Гертруда учит детей» и др.

Люди чувствительного типа — люди, начавшие рано переживать всякого рода душевные волнения, чувствующие сильно, люди с приподнятым настроением, возбужденные, вечно носящиеся с каким-либо чувством и настроением. Чувство руководит ими. Они могут быть художниками, литераторами, даже учеными, филантропами, эгоистами, самыми обыденными людьми, но они прежде всего — люди настроения, чувства; к ним, в их душу, нельзя найти другого пути, как только чрез сердце, их нельзя убедить, нельзя им что-либо доказать, не затронув их симпатий, антипатий, их чувствований. Все они делают волнуясь, со страстью, с ненавистью, с любовью, восторженно. У них нервы, как натянутые струны: малейшее прикосновение заставляет их трепетать, дрожать, издавать звуки радости или печали, любви или ненависти. Они враги холодного рассудка. Спокойная жизнь, свободная от волнений, им кажется смертью.

Руссо сообщает о себе, что он начал чувствовать прежде, чем стал думать, что в то время, когда он не имел никакого понятия о вещах, все чувства были ему уже знакомы. Он рано начал читать романы, проводя за этим занятием, вместе со своим отцом, целые ночи. Ничего он в романах не постиг, но зато все перечувствовал. Смутные волнения и мысли, возбужденные чтением романов, дали маленькому Руссо странные и романические понятия о человеческой жизни, от которых никогда не могли излечить его вполне ни опыт, ни размышление.

Перечитав романы, Руссо набросился на другие книги оставшейся после матери библиотеки. В ней были и серьезные книги, но между авторами особенно Плутарх сделался его любимейшим писателем. Перечитывая его биографии редких людей древности, маленький Жан-Жак считал себя греком или римлянином, делался лицом, жизнеописание которого читал. Рассказы о подвигах постоянства и смелости поражали его, глаза мальчика горели при чтении, голос делался громче. Однажды, рассказывая за столом о подвигах Муция Сцеволы и желая наглядно представить его поступок, он приблизился к жаровне и намеревался положить на нее руку. Такое страстное увлечение чтением относится к первым 7—8 годам жизни Руссо.

Когда Руссо было около 10 лет, тогда его чувствительность по особенному случаю, получила на время особенное и притом специальное направление.

Мальчик был подвергнут крайне жестокому и притом совершенно несправедливому телесному наказанию в пансионате, в котором он учился. До сих пор он привык к кропотливому, ласковому обращению, не имел даже понятия о не-

справедливости, а теперь испытал ее от людей, которых наиболее уважал и любил. «Какое ниспровержение понятий! Какой беспорядок чувств! Какой переворот в сердце, мозгу, во всем маленьком разумном и нравственном существе! Начертывая эти строки, — пишет Руссо, — я чувствую, как и теперь мой пульс бьется сильнее; эти минуты не изгладятся из моей памяти, если бы даже я прожил сто тысяч лет. Это первое ощущение насилия и несправедливости так глубоко врезалось в мою душу, что все мысли, относящиеся к нему, приводят меня в прежнее волнение». Описанное личное волнение постепенно потеряло свой личный характер, и Руссо явился горячим врагом несправедливости всюду, где бы она ни встречалась, даже между животными. Часто ему приходилось пускаться в плавань, чтобы догнать или забросать камнями петуха, корову, собаку, всякое животное, мучившее другое, себе подобное, единственно потому, что оно чувствовало себя сильнее.

Такая сильная чувствительность послужила основой дальнейших страстных увлечений разными интересами. Если Руссо за что брался, то брался горячо, с полным напряжением всех сил, уходил с головой в известное дело; он не мог интересоваться чем-либо наполовину. В детстве он весь погружался в чтение романов. Это страстное увлечение книгами возвращалось к нему не один раз и позднее преодолевая все препятствия. Одно время, когда Руссо был в ученье у мастера, им овладела снова страсть к чтению, он принялся усердно читать: читал в мастерской, читал на ходу, исполняя поручения хозяина, читал в нужном месте и, забываясь, проводил там целые часы. Книги читал Руссо всякие, хорошие и дурные, какие мог достать, какие попадались, без разбора. Хозяин подсматривал за ним, заставлял его врасплох, бил, отнимал книги. Сколько томов было изорвано, сожжено, выброшено за окошко! Сколько сочинений осталось разрозненными у г-жи ла Трибю, у которой Руссо доставал книги! Когда нечем было платить ей, тогда Руссо отдавал ей рубашки, галстуки, старое платье. Предавшись этой страсти, он только то и делал, что читал; чтение лишило его всякой другой деятельности.

Руссо не особенно любил товарищеские игры; но едва он принимал участие в этих играх, как делался самым горячим из всех играющих и шел дальше всех других. «Во время загородных прогулок, — рассказывает Руссо, — я шел всегда вперед и не думал вернуться, пока другие не напоминали мне об этом». Как-то Руссо попробовал играть в шахматы, ознакомившись с ходами. Сейчас же он сделался страстным любителем этой игры: купил шахматную доску, подробное описание игры, заперся в своей комнате и прово-

дил целые дни и ночи, играя сам с собой без отдыха и конца, затверживая наизусть все возможные партии. Целые два-три месяца он играл таким образом, исхудал, пожелтел, почти оступел и вышел из своей комнаты похожим на живого мертвеца. С такою же неистовою страстью он относился к музыке, литературе, научным занятиям. Делать что-либо наполовину, хладнокровно, помаленьку он не мог. «Коль любить, так без рассудка»... Задумал Руссо развивать и укреплять свою слабую память. Для этого он всегда носил с собой какую-нибудь книгу, которую долбил и повторял наизусть, пока занимался физической работой. Раз двадцать он учил и переучивал «Эклоги» Виргилия, из которых потом не помнил ни слова. Он растерял и разрознил множество книг вследствие привычки таскать их с собой всюду: на голубятню, в фруктовый сад, в огород, в виноградник. Занявшись другим делом, он клал книгу у подошвы дерева или на изгородь, забывал ее и иногда недели чрез две находил ее сгнившею или источенной муравьями и улитками. Эта страсть учиться обратилась наконец в манию, которая сделала Руссо похожим на дурака, потому что он беспрестанно бормотал сквозь зубы. А между тем результаты этих усилий были не блестящи: он сегодня непременно забывал то, что учил вчера. Но он не унывал от этого. Однажды его пригласили играть на домашнем спектакле и дали роль. Шесть месяцев без отдыха он твердил ее, и, несмотря на это, в день представления суфлер должен был подсказывать ему с начала до конца.

Чувствительность Руссо нередко принимала и прямо чувственный характер. Он свидетельствует о себе, что имел в жилах кровь, кипевшую чувственностью почти с самого дня рождения. Когда девица Ламберсье, у которой Руссо учился, однажды высекла своего маленького ученика, тогда в боли и даже в стыде Руссо нашел какую-то примесь чувственности, которая поселила в нем скорее желание, чем боязнь быть снова наказанным тою же самою рукою. Таким образом, у Руссо преждевременно возбуждался половой инстинкт, и мальчик, долгое время мучимый неизвестно чем, пожирал пылающими взорами красивых женщин. Воображение беспрерывно напоминало их, делая из них бесчисленное множество девиц Ламберсье. Сладострастный трепет, хотя неясный и неопределенный, рано сделался известным Руссо. Вообще природа наградила его пылким, страстным, рано развившимся темпераментом, разгоряченная кровь беспрестанно наполняла его мозг образами девушек и женщин. При таком настроении, в соединении с значительною застенчивостью и боязливостью в присутствии женщин, недалеко было до онанизма,

к которому Руссо и прибег. Понятно, что в жизни такого человека, с таким темпераментом, женщины играли видную роль и им посвящены весьма многие страницы его «Исповеди». Таким образом, Руссо является пред нами человеком, у которого чувство было главным содержанием душевной жизни. Окидывая при составлении «Исповеди» одним взглядом свою жизнь, он находил одного верного руководителя, на которого мог вполне положиться, припоминая дела давно минувших дней, — это цепь чувствований, обозначавших последовательный ход его личного развития, и, при помощи их, непрерывный ряд событий, которые были их причиной или следствием. «Я могу делать в фактах пропуски, перемещения, ошибки в числах, — говорил Руссо, — но не могу ошибаться ни в том, что чувствовал, ни в том, что чувства побуждали меня делать». Эта необычайная чувствительность послужила основой его страстности, его горячего увлечения всевозможными предметами: женщинами, музыкой, наукой, литературой и природой. Нужно заметить, что Руссо страстно любил природу и постоянно рвался из города в деревню, предпринимал продолжительные путешествия пешком. Всегда и везде, в Венеции и Париже, воспоминание о рощах, ручьях, уединенных прогулках развлекало его, печаливало и вызывало вздохи и желания.

II

Чувствительный тип — Иоганн Генрих Песталоцци (1746 — 1827), швейц. педагог - демократ

Подобное же сильное преобладание чувствительности над другими сторонами душевной жизни мы находим и у Песталоцци, хотя эта чувствительность, как увидим далее, и направлялась на другие предметы, чем у Руссо. Песталоцци сам свидетельствует о себе, что он с колыбели был слабым и нежным ребенком и отличался ранним и живым развитием некоторых сил и склонностей. Но его развитие было далеко от всесторонности и полноты, напротив, отличалось значительной односторонностью в отзывчивости. Что говорило его сердцу, то действовало на него быстро и сильно, на том он сосредоточивался, к тому сохранял живой интерес; что же входило в круг его любимых предметов в данное время, к тому он относился равнодушно, холодно и крайне невнимательно. Все, что требовало тщательного наблюдения и исследования, хладнокровного и продолжительного внимания, как бы оно важно и образовательно ни было для развития размышления, предусмотрительности и осторожности, все это редко могло подействовать на Песталоцци сильно, произвести на него прочное впечатление; напротив, факты и явления, го-

ворившие его сердцу, быстро и значительно ослабляли действие чисто интеллектуальных предметов, могших прояснить его ум. Вследствие этого в сотне мелочей он должен был терпеть крушение, чего не случалось с другими детьми. Но неудачи не действовали на Песталоцци так тяжело, таким удручающим образом, как на других детей: что прошло, после чего он проспал две ночи, то ему казалось как будто бы не бывшим, сновидением и сказкой, хотя бы минувшего события он очень желал или боялся. Так отходчиво было его сердце. «Отличительной чертой моего характера с юности, — говорит сам Песталоцци, — была чувствительность, я сильно увлекался впечатлением от каждого минутного явления; при этом я был поспешен в своей деятельности и поступал необдуманно».

Детство Песталоцци прошло среди любивших и от всего оберегавших его женщин, в атмосфере кротости и доверчивости. Все свое время он проводил с матерью и служанкой-воспитательницей, доброй и преданной Бабэль. «Можно сказать, — замечает Песталоцци, — что я вырос за печкой. Когда мы, дети, задумывали выйти на улицу или вообще куда-нибудь, где нам собственно делать было нечего, Бабэль сейчас же нас и окрикивала: «Куда это вы? Что вы это затеяли бесполезно трепать платье да башмаки таскать? Не видите разве, чего стоит все это вашей матери, какие лишения она из-за этого терпит? Мать, вон, все дома сидит да каждую копейку бережет, чтобы воспитать вас, а вам и горя мало». Вся домашняя обстановка в высокой степени оживляла и развивала его сердце.

Вследствие таких природных свойств и впечатлений раннего детства сердце Песталоцци раскрылось для сочувственного восприятия всякого горя и страдания, для отзывчивого ответа на всякий призыв бедных, страдающих, обездоленных; но его знакомство с действительным миром и людьми было крайне скудно и недостаточно. Мир он знал только в пределах комнаты матери и границах школы, он был почти совершенно чужд действительной, настоящей жизни, как будто бы он и не жил в мире, в котором жил. Песталоцци считал весь свет таким же добродушным и доверчивым, каким был сам; зла он ни в ком не предполагал и в существовании его убеждался лишь тогда, когда испытывал его проявления непосредственно на себе.

В школе, в которой учился Песталоцци, его чувствительность и возвышенное настроение были поддержаны характером преподавания, имевшего «мечтательное направление». «Независимость, самостоятельность, благотворительность, самопожертвование, любовь к отечеству были основами нашего образования», говорит Песталоцци.

Преподавание было направлено к тому, чтобы поселить в учащихся не только равнодушие, но даже презрение к богатству и почестям. Учеников учили верить, что бережливость и ограничение личных потребностей могут заменить богатство и что совсем не нужно большого состояния и высокого общественного положения, чтобы пользоваться семейным счастьем и гражданской самостоятельностью. «У меня было, — замечает Песталоцци, — желание видеть осуществленным то, что особенно действовало на мое сердце и мое воображение, но я совсем упускал из виду, что для практического осуществления нужны и практические средства». Вообще в воспитании Песталоцци не было средств и побуждений для развития мужеской силы, мужеской опытности и мужеского образа мыслей, но зато очень много было чувства, идеализма, веры в людей. Уже в школе Песталоцци принадлежал к кружку товарищей, поставивших целью возрождение общества путем усвоения строгих нравственных привычек и упрощения образа жизни. Члены общества ели самую простую пищу, спали на голых досках, а всех больше увлекавшийся Песталоцци повел такой уже слишком опрощенный и вместе суровый образ жизни, что захворал. «Нужно отвыкнуть, — говорил Песталоцци, — от изнеженности, усвоить строгость нравов и простоту привычек, а остальное придет».

Таким образом, еще в школе чувствительность Песталоцци получила строго определенное нравственное направление, еще в школе ему не нравились игривые песенки, шаловливые куплетцы и веселые рассказы, — ему казалось, что они дурно действуют на общественную нравственность; еще в школе его поражала доступность разных грязных картинок, по дешевизне охотно приобретаемых и народом, и детьми на базарах и ярмарках. «Хотелось бы мне, писал Песталоцци еще во время своего учения, — чтобы родители побольше заботились о выборе товарищей для своих детей... Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь коротко и понятно даже для самого простого человека изложил бы основные правила воспитания... хотелось бы мне, чтобы каждый честный человек потрудился бы образовать хоть одного такого же... Ведь тогда число честных людей сразу бы удвоилось».

Таково было настроение Песталоцци при окончании им периода учения, пред вступлением в жизнь; таким же оно осталось и в жизни. У Песталоцци направление чувствительности не изменялось, как у Руссо, всю свою жизнь он оставался тем же добрым, доверчивым альтруистом, не предполагавшим ни в ком зла, каким он был и в школе.

Зрелым мужем, много испытавшим, видевшим крушение многих своих предприятий и надежд, Песталоцци вполне справедливо говорит о себе: «Уже давно, с самой юности, мое сердце, как сильный поток, стремилось единственно к одной лишь цели — заткнуть источники бедствий, в которые я видел вокруг себя погруженным народ». Несмотря на свои разочарования, он никогда не терял веры в возможность улучшения человеческого рода. Он всю жизнь сохранял убеждение, что человек по своей природе добр и хочет добра; если же он бывает зол, то потому, что, наверно, завалил его путь, на котором он хотел быть добрым. Помочь простому народу подняться в умственном и нравственном отношениях — вот что составляло основную и единственную задачу деятельности Песталоцци. Для достижения этой цели он жертвовал всем, оставаясь нищим всю свою жизнь.

Один историк так характеризует общий тон его жизни: «Ему много простится, ибо он много любил. Да, на любви зиждется вся его многотрудная жизнь, на страстном стремлении помочь бедному, заброшенному народу. Любовь эта была страстью его сердца; пламя ее загло в нем сильный гнев против всех, ставших на пути его любвеобильным домогательствам»².

III

Люди чувствительного типа обыкновенно бывают людьми восторженными, фантазерами и крайне непрактичными. Эти свойства находятся в тесной логической связи с чувствительностью.

Чувствительные люди суть люди приподнятого настроения. Чувствительный человек тем и отличается от всех других, что он ко всему относится слишком страстно. То, что не действует на других, на него действует; что на других действует слабо, то на него действует сильно. Конечно, и для чувствительного человека существует множество предметов, к которым он относится равнодушно, которые на него не производят впечатления; но все же для него таких предметов гораздо меньше, чем для нечувствительного. Притом чувствительный постоянно выискивает предметы, его задевающие, он жить не может без возбуждения, спокойное существование для него смерть. Он вечно в высоком настроении, постоянно печалится, радуется, восторгается, отчаивается; он не обдумывает своих действий, поступает быстро и часто опрометчиво. Естест-

² Рау мер. История воспитания и учет. от возрождения классицизма до нашего времени. Пер. с нем. — СПб., 1878. — Ч. II. — С. 633.

венно, что он нередко приходит в столкновения с действительностью, терпит крушения; его планы оказываются неосуществимыми, его надежды рассеявшимися, а люди несравненно худшими, чем он предполагал. Так как в действительном мире все не удается, то приходится уйти от него в фантастический мир и там все устроить по-своему. Мир мечты послушен, он слагается по настроению, один воздушный замок легко заменяется другим, и все совершается тихо и спокойно, согласно желаниям; нигде ни борьбы, ни препятствий, везде одно удовольствие. Понятно, что такие мечтатели бывают самыми плохими практиками и, в мечтах перестраивая весь мир на сотни ладов, решительно не в состоянии устроить своих личных маленьких дел сколько-нибудь сносно. Они ходят в действительном мире как бы с завязанными глазами, если что и видят, то не так, как оно есть, неправильно, сквозь дымку своей мечты, в особом освещении и положении. Люди чувствительного типа необходимо суть практические неудачники и страдальцы, так как они фантазеры и энтузиасты. А такие свойства — враги всякого практического успеха.

Жан Жак Руссо (1712—1778), франц. писатель и философ

Приведем соответствующие факты из жизни Ж.-Ж. Руссо и Г. Песталотти.

Известно, что Руссо обратился к литературе уже в зрелом возрасте и что за свою первую литературную работу он принял по случайному поводу. Перелистывая в пути одну книгу, он напал на тему, предложенную на премию Дижонской академии: «Чему способствовал прогресс в науках и искусствах — к расширению или к очищению нравов?» Эта тема была искрой, упавшей в порох и произведшей страшный взрыв. «Едва я прочел это, — рассказывает Руссо, — как увидел другой мир и стал другим человеком». Волнение, им испытанное, было близко к бреду, он сейчас же, еще в дороге, набросал план работы и скоро потом принялся за нее. Все мелкие страсти были подавлены восторженным сочувствием к истине, свободе, добродетели, и это восторженное настроение держалось на весьма высоком уровне в течение трех или четырех лет. Все свои литературные работы Руссо совершает под влиянием высокого, почти восторженного настроения. Он писал не из-за хлеба, не из-за заработка, — подобную невольную работу он признавал убийственной для своего таланта. «Мой талант, — говорил Руссо, — заключается не столько в моем пере... и был порожден единственно гордым и возвышенным образом мыслей, который один только и мог питать его. Ничего сильного, ничего великого не может выйти из-под продажного пера».

Любопытным примером манеры Руссо работать служит сочинение им «Речи о происхождении неравенства между людьми». По существу задачи, Руссо следовало бы изучать состояние первобытного и древнего человечества, чтобы оттуда почерпнуть сведения о происхождении неравенства между людьми. Но не так поступил Руссо. Он много гулял по лесу, там искал и находил картину первых времен, гордо начертывал истории их и клеймил мелкую ложь человечества. «Я смело обнажал природу людей, следовал за ходом времени и дел, искаживших ее, и, сравнивая человека, сделанного человеком, с человеком, сделанным природой, доказывал, что мнимое совершенство людей и есть настоящий источник их несчастий. Душа моя, взволнованная этим чудным созерцанием, возносила на небо, и, смотря оттуда на моих ближних, шедших в слепоте по пути предрассудков, заблуждений, несчастий, преступлений, я кричал им голосом слабым, которого они не могли слышать: «Безумцы, беспрестанно жалующиеся на природу, узнайте, что во всех ваших несчастиях виноваты вы сами!»

Таково было настроение Руссо во время его научно-литературных работ, когда требовались строгая обдуманность мыслей и осмотрительность в выводах и выражениях. Каково было его умонастроение в более обыкновенных и житейских состояниях прозаического характера? В обыденной жизни он фантазировал или поступал осмотрительно и благоразумно?

Руссо с малолетства был сильным фантазером. Мечтательность в нем начала развиваться довольно рано и с годами не уменьшалась. Еще находясь в обучении у мастера, он среди крайне неприглядной действительности, под влиянием читаемых книг, пустился в фантазерство. Он начал размышлять о положениях, которые интересовали его в книгах, припоминал их, разнообразил и наконец до того входил в их дух, что сам делался тем лицом, которое служило предметом этих размышлений, и видел себя всегда в таком положении, которое наиболее нравилось. Вымыслы заслоняли пред ним действительность, и он жил больше в воображаемом мире, чем в действительном. В то время, когда его положение было крайне незавидно, когда он убежал из родного города и пустился бродяжничать по свету, без средств, без друзей, без всякой помощи, почти еще мальчиком, он был убежден, что для него нет ничего невозможного, недостижимого, что стоит ему только взмахнуть крыльями, и он взлетит на воздух. Он верил, что наполнит мир своими заслугами, что на каждом шагу будет встречать пиры, сокровища, приключения, друзей,

готовых к услугам, любовниц, старающихся ему понравиться, что стоит только ему показаться, — и вселенная займется им и будет у его ног. Впрочем, не вся вселенная: Руссо не претендовал на это, так много ему не было нужно; его честолюбие довольствовалось одним замком, с него было достаточно сделаться любимцем владельца и владельницы, любовником их дочери, другом ее брата, защитником соседей. Такую скромную будущность рисовал себе Руссо, в момент этих мечтаний — нищий бродяга.

Сделавшись взрослым, зрелым человеком, много переиспытывав и перетерпев, Руссо не перестал фантазировать. Чуть какая-либо неудача, несчастье, невозможность преодолеть препятствие — и Руссо заносится за облака. Совсем забыв окружающие обстоятельства и даже настоящую человеческую природу, Руссо создавал себе «общество из существ совершенных, божественных по добродетелям и красоте, друзей надежных, нежных, верных, таких друзей, каких никогда не встречал на земле. Мне до того понравилось уноситься таким образом в идеальные пространства, в среду прелестных существ, которыми я окружил себя, что я проводил в этом состоянии бесчисленные часы и дни, лишенный сознания всего остального; я съедал дома второпях кусок и тотчас же стремился вырваться на свободу, — чтобы бежать в свои рощи. Когда, совсем собравшись спуститься в очарованный мир, я видел, что ко мне являлись несчастные смертные, которые задерживали меня на земле, я не мог ни сдержать, ни скрыть свою досаду и, не будучи более в состоянии владеть собой, принимал своих посетителей невежливо, даже грубо».

Едва ли нужно говорить о том, что при описанном умонастроении Руссо была совершенно чужда практическая способность устраивать свои дела. В юности он был бродяжкой и испытал в полной мере все прелести и неудобства этого положения. Жил он долгое время на хлебах из милости у разных лиц, брался за самые разнообразные занятия — от секретарства при французском резиденте в Венеции до выполнения обязанностей лакея в разных домах. Самостоятельное положение, вполне твердое, он получил только после обращения к литературным трудам, давшим ему некоторое обеспечение. Несомненно, что такая неоседлая, необеспеченная жизнь, жизнь вольной птицы, сегодня пребывающей здесь, а завтра перелетающей в другое место, жизнь, наполненная всякими случайностями и приключениями, содействовала развитию его склонности к фантазерству и укреплению непрактичности. Человеку, нигде не пускавшему твердых корней, покинувшему отечество и чувствовавшему себя иностранцем в Париже, ес-

тественно было мечтать и фантазировать. Практической трезвости, деловитости, житейскому благоразумию развиться было негде и неотчего.

Совершенно подобные же факты представляет жизнь Песталоцци. Он был человек возвышенного настроения, энтузиаст, влюбчивый фантазер о благе человечества, ничего не понимавший в практических делах. Вся его жизнь была ни чем иным, как жертвоприношением бедствующему простому народу. С юных лет до глубокой старости Песталоцци преследовал одну и ту же задачу. На ее выполнение он положил все свои силы и средства, сам оставшись бедняком, а по временам буквально нищим, питавшимся гнилым картофелем. Образ Песталоцци есть один из симпатичнейших образов в истории человечества по глубокому проникновению идеей, страстной любви к бедному народу, самоотвержению и необычайной задушевности всего существа. Сам Песталоцци так, например, характеризует свое состояние на первых порах своей самостоятельной деятельности: «Я ушел от него (Чиффели, у которого учился сельскому хозяйству) великим сельскохозяйственным мечтателем со многими отдельными великими и справедливыми взглядами и надеждами относительно земледелия, как прибыл к нему в качестве мечтателя-горожанина со многими отдельными великими и правильными городскими познаниями, взглядами и надеждами». В одном из писем к своей невесте Песталоцци говорит: «Всякий угнетаемый бедняк найдет у меня кров, и пока у меня будет кусок хлеба, он будет и у него: я сам буду пить воду и отдам ему молоко, чтобы он видел, как я ценю честную нищету». Эти слова Песталоцци буквально исполнил в своей жизни.

Самое выступление Песталоцци на литературное поприще представляет явление, совершенно аналогичное выступлению Руссо. Под гнетом своих неудач Песталоцци так опустил, что не мог написать ни строчки, не сделав ошибки, а потому считал себя совершенно неспособным к литературному труду, когда получил предложение написать что-нибудь из народной жизни, которую он хорошо знал. «Я попытался составить, — рассказывает Песталоцци, — 5—6 небольших рассказцев, подобных Мармонтелевым Contes populaires (эта книга лежала у него на столе, когда он возвратился домой, получив предложение писать), и знаю только одно, что ни один из них мне не понравился; последним был «Лингард и Гертруда», рассказ о которых, не знаю как, вылился у меня из-под пера и сам собою развился, хотя я не имел ни малейшего плана и ни о каком не думал. Через несколько недель явилась книга, хотя я, соб-

ственно, не знал, как это случилось. Я чувствовал ее значение, но лишь как человек, который во сне чувствует цену счастья, о котором он только что мечтал. Я едва сознавал, что не сплю». Эта книга и была «Лингард и Гертруда», сразу сделавшая имя Песталоцци известным во всей Европе.

Каптерев П.Ф. Из детских типов // *Воспитание и обучение.* — 1898. — № 10, октябрь. — С. 401—419.

IV

Психологические особенности
людей чувствительного типа

В каком положении у людей чувствительного типа находится мыслительная способность?

В строгом смысле слова мышление не есть та сфера, в которой эти люди наиболее охотно вращаются, к которой их влечет. Жизнь сердца у них так напряжена и разнообразна, что она в значительной степени утомляет и истощает их, оставляя мало сил, досуга и охоты к чисто умственному труду. Во всяком случае, из таких людей никогда не выйдет обыкновенных ученых, профессоров, собирающих и накапливающих знания, заботящихся об их стройности и классификации. Чувствительные люди, если и отдадутся умственному труду, то отдадутся ему, согласно всей своей натуре, с увлечением, со страстью, они будут заниматься только тем, что волнует их чувства, говорит их сердцу. Писать простые ученые исследования, в которых нет никакого живого интереса, они не могут. Поэтому тон их произведений непременно одушевленный, горячий, в каждой строке такой работы чувствуется живой волнующийся человек. Понятно, что в их произведениях легко можно найти множество преувеличений, противоречий, недостаток доказательств, неясность изложения и отсутствие системы; но все выкупается жизненностью произведения, горячностью тона, искренностью и увлечением самого автора. В таких произведениях говорится о том, что дорого, что возбуждает любовь или ненависть, что составляет для автора глубокий животрепещущий вопрос, а не простой предмет для диссертации. Вообще к заурядному систематическому умственному труду люди рассматриваемого типа относятся невнимательно, неблагосклонно, он их мало интересует. Поэтому в школах дети этого типа учатся не совсем охотно и их успехи бывают крайне неравномерны. В любимых предметах они оказываются впереди самых способных товарищей, а в нелюбимых отстают от самых слабых; к этим последним предметам они крайне невнимательны, занимаясь ими, скучают, никак не могут усво-

ить и в заключение совсем бросают занятия ими. Поэтому все их умственное развитие бывает крайне несимметричным, негармоничным; потому же они предпочитают учиться сами тому, что находят полезным и интересным, а не проходить регулярные школьные курсы. Такие люди больше сами себя образовывают, насколько могут, чем получают образование от других, например, в школах.

Подтверждающие сделанную характеристику факты мы находим в автобиографических трудах Руссо и Песталотци. Руссо остроумный писатель и прекрасный стилист. Его язык блестящий, живой, его изложение увлекательно. Можно поэтому предполагать, что мышление его было легко, что умственный труд совершался им быстро, шутя, без напряжений и усилий. На самом же деле оказывается, что мы встречаемся с совершенно другим явлением — с очень медленным и затруднительным процессом мышления. Сердце и ум Руссо как будто принадлежали двум различным людям. «Чувство, — говорит Руссо, — охватывает мою душу быстрее молнии, но, вместо того чтобы осветить меня, оно только ослепляет и сжигает. Я все чувствую и ничего не вижу; прихожу в иступление и становлюсь бессмысленным; чтобы размышлять, я должен быть хладнокровным». Уловить ход мыслей Руссо было очень трудно, они долгое время были неясны ему, как-то кружились и вертелись, и необходимо было переждать, чтобы они успокоились и прояснились. Поэтому изложение мыслей и словесное и письменное давалось ему с весьма большим трудом, рукописи его были исчерканы вдоль и поперек, испещрены помарками, запутаны и неразборчивы. Ни одна из них не пошла в печать без того, чтобы Руссо не переписал ее раз пять или шесть. За письменным столом Руссо не мог ничего придумать, не мог выжать из своей головы в это время ни одной мысли. Он обдумывал или во время прогулки, или ночью в постели, в часы бессонницы. Умственная работа двигалась крайне медленно, особенно при слабой памяти Руссо. Иные периоды ему приходилось обдумывать в течение пяти-шести ночей и делать в них тысячи перестановок, прежде чем изложить как следует на бумаге. Поэтому быстрая работа ему была не по сердцу, писать письма было для него сухой пыткой. Пустейшее письмо стоило ему много времени и труда; он обыкновенно не знал, с чего начать и чем кончить. Он чуждался общества, потому что затруднялся необходимостью постоянно говорить и легко мог сказать что-нибудь весьма неуместное и нескладное. Даже усвоение чужих мыслей и то было для него затруднительно. Он учился плохо и предпочитал самообразование, а вместе полную

свободу всяким учителям. Он почти ничему не мог выучиться от учителей и всеми знаниями был обязан самому себе. «Боясь вывести учителя из терпения, — говорит Руссо, — я притворяюсь, что понимаю. Он идет вперед, а я ничего не понимаю».

Хорошего правильного образования Руссо не получил, он учился с перерывами и довольно плохо. Его учителя не были им особенно довольны, и вообще окружавшие его не замечали его способностей. Один умный человек, специально наблюдавший маленького Руссо с целью определить, есть ли у него способности, а если есть, то к чему, пришел к такому заключению, что он мальчик хотя и не совсем глупый, но далеко не умный, без мыслей, без навыка, словом, во всех отношениях крайне ограниченный, и что самое высшее положение, на какое он имел право претендовать, было положение деревенского священника. Учился он всему преимущественно сам, без помощи учителей: латинскому языку, математике, философии и другим предметам. Он много читал, но этот процесс самообразования был труден, и ему без всякого руководителя приходилось бороться с весьма значительными препятствиями. Но Руссо учился усердно, не позволяя себе лениться. «Кто почти до 25 лет ничего не знает и хочет выучиться, тот должен дорожить своим временем», — замечает Руссо про себя. И он учился, учился с жаром, не давал себе «ни отдыха, ни срока», вместо отдыха пользуясь переменной и разнообразием занятий.

Умственной работе Руссо обыкновенно посвящал бессонные ночи. Он размышлял с открытыми глазами в постели и с невероятными усилиями вертел и переворачивал в своей голове периоды. Затем, достигнув того, что оставался ими доволен, оставлял их в своей памяти до той поры, когда мог изложить их на бумаге; но во время вставанья и одеванья он лишался всего запаса, и когда садился за бумагу, тогда ему не приходило больше в голову почти ничего из всего, что он сочинил.

Вообще литературные свои работы Руссо вел очень медленно, долго обдумывал. По его словам, «Эмиль» стоил ему двадцати лет размышлений и трех лет работы; над «Политическими учреждениями» он работал пять или шесть лет, и за это время сочинение очень мало подвинулось вперед, так что он сократил самую тему и обработал позднее только часть ее — «Общественный договор».

Вследствие отсутствия систематического образования ум Руссо был лишен надлежащей выправки и страдал такими недостатками, которые чужды несравненно менее его одаренным людям. Так, несмотря на все свое остроумие и рез-

кую критику всего современного строя жизни, Руссо нередко мучился детскими страхами и избавлялся от них детскими средствами. Его часто волновал страх мучений в аду. Он спрашивал себя, будет ли он осужден на вечную муку, если умрет сию же минуту. «Однажды, задумавшись об этом грустном предмете, я машинально бросал камешки в деревья и, по своей обыкновенной неловкости, почти ни разу не попадал в цель. Среди такого прекрасного упражнения вздумалось мне, для успокоения тревоги, обратиться в род гадания. Я сказал себе: «Этот камешек я бросаю в дерево, которое против меня; если попаду, — знак, что я спасен; если не попаду, — знак, что проклят». С этими словами дрожащей рукой и с страшным биением сердца бросаю камень так удачно, что он попадает в середину дерева, а это было весьма нетрудно сделать, так как я постарался выбрать дерево самое толстое и в очень близком расстоянии от себя. С тех пор я не сомневался больше в своем спасении». И это проделывал автор исповедания веры Савойского викария! Много противоречивого очень мирно уживалось в голове и сердце Руссо. Например, он, такой нежный и чувствительный, спокойно отдавал своих детей в воспитательный дом; он, стремившийся к правде и искренности во всем, нередко лгал самым бессовестным образом; он, враг современной культуры, служил лакеем в богатых домах. Его теоретические воззрения также не чужды значительных противоречий: защищая вполне естественное воспитание, он отдает своего Эмиля на руки гувернеру, лишая его родителей и семьи; к отсутствию родителей прибавляется отсутствие товарищей, так как около Эмиля, кроме воспитателя, никого нет; вооружаясь против цивилизации, он тем не менее, по существу дела, учит своего Эмиля тому же, чему учат и в обыкновенных школах, поставляющих своей задачей передачу культурных приобретений новым поколениям. Не вышколенный систематическим изучением науки, увлекающийся ум Руссо на каждом шагу впадал в преувеличения и противоречия.

Подобное же умственное состояние, но, конечно, с некоторыми личными особенностями, мы находим и у Песталоцци, ближе присматриваясь к его литературно-ученой и практическо-педагогической работе.

Ум Песталоцци, в виду преобладающего положения в его психике чувствительности, был ум негармонический, несимметричный, отличавшийся недогадливостью во всем, что его не интересовало. Еще в школе он выдавался тем, что быстро и правильно схватывал сущность преподаваемого, но бывал равнодушен и недогадлив относительно

форм, в которых все это выражалось. Далеко отставая от своих товарищей в некоторых частях известной науки, он в исключительной степени превосходил их в других частях. Сравнительно плохо зная греческий язык, он задумал, в подражание своему профессору, перевести одну из речей Демосфена и перевел ее живее и складнее профессора. Для Песталоцци всегда было важнее не понимание, а скорее полное чувство проникновения в предмет, который хотелось изучить; критическое усвоение способов усовершенствования в нем интересовало Песталоцци мало. Поэтому он, будучи одним из лучших учеников, делал ошибки, в которых не провинился бы никто из худших.

При таком несимметричном развитии ума, при таких пропусках и победах в своем образовании Песталоцци, естественно, имел мало склонности к книжным теоретическим занятиям. Целых тридцать лет, по его собственному свидетельству, он ничего не читал; он не мог без ошибки написать ни одной строчки. Очевидно, это был талантливый самородок, чутьем шедший к цели, а не по сознательному рассуждению; это был эмпирик-экспериментатор, который ощупью в полутьме развивал свои идеи, «не зарясь на плоды древа познания, которое для меня и для особенностей моей природы приносит одни только запретные плоды». Песталоцци был мало способен к философскому, дедуктивному исследованию и обобщению, он хотел идти медленно вперед и притом путем чисто фактическим и эмпирическим. Он хотел постепенными шагами и практическими опытами приобрести и завоевать то, чего еще не было и что в действительности ему еще и не было известно. Песталоцци сознавал, что это путь трудный, продолжительный, не дающий быстрых и блистательных результатов; но он полагал, что этот путь есть единственный, отвечающий его природе, способностям, его положению. Уже стариком он замечал, «что до самой своей смерти останется в некоторого рода мраке относительно большинства своих взглядов»; они были не ясны ему самому.

Можно теперь себе представить, что сделалось с таким чувствительным эмпириком, когда он столкнулся с философски образованным умом, желавшим все привести в стройную систему, представить в форме ясных, определенных понятий. Таков был помощник Песталоцци — Нидерер. Он увлек Песталоцци, подавил, ослепил его, он так философски оформлял идеи великого педагога, что последний не узнавал себя в философской отделке. «Я, — говорил Песталоцци о своем состоянии под влиянием Нидерера, — собственно, перестал быть самим собою и, вопреки своей природе и вопреки возможности осуществления замысла,

стал стремиться сделать из себя и из своего дома то, чем бы нам следовало быть, чтобы как-нибудь добиться успеха на этом (т.е. философском) поприще. Но, несмотря на то что Песталоцци, подчиняясь Нидереру, переставал быть самим собой, он ему подчинялся долго, глубоко, «до исключительной преданности ему и до забвения самого себя». Было время, когда Песталоцци думал, что Нидерер лучше понимает его, чем он сам себя. Он видел в Нидерере единственного человека, который, будучи философски образованным, способен надлежащим образом выяснить, определить и изложить смутно сознаваемый им самим способ воспитания. Только позднее Песталоцци разглядел и понял, что он и Нидерер слишком не сходны друг с другом, что Нидерер — теоретик, систематик, человек холодного ума, а он — эмпирик, практик, человек чувства, осужденный «до самой своей смерти оставаться в некоторого рода мраке относительно большинства своих взглядов»; что Нидереровская обработка его взглядов включает много несимпатичного ему, что в такой философской постановке дела высказывают не столько личные его взгляды на дело воспитания, сколько не созревшие в нем и существенно ему «чуждые философские воззрения, от которых невольно закружилась моя голова». Такие философские воззрения внесли путаницу в собственные воззрения Песталоцци, остановили их развитие, и вот только уже пред концом своей жизни Песталоцци твердо и решительно заявил, что «я знаю, чем я не могу быть, и считаю нужным честно объявить, что не хочу более быть тем, чем я стал», «что останусь самим собой», т.е. эмпириком, не зарящимся на плоды древа познания.

Таким образом, три главные черты характеризуют детей и взрослых людей чувствительного типа: 1) раннее широкое развитие чувствительности, преобладающей над другими душевными деятельностями; 2) возвышенное настроение, фантазерство и практическая неумелость; и 3) симметричность в складе ума, в умственной деятельности, трудность и ясность мыслительных процессов, страстная преданность излюбленным идеям и взглядам.

V

Причины появления людей чувствительного типа

Какие причины вызывают появление людей чувствительного типа? Две главные: врожденные особенности организма и первоначальные жизненные и воспитательные явления.

Проследить в точности влияние наследственности на развитие людей чувствительного типа трудно, но некоторы

факты в этом отношении есть. Так, Руссо утверждает, что из всех дарований, которыми небо наделило его родителей, они оставили ему «только чувствительное сердце». Песталоцци сам говорит о себе также, что его поражало сходство его характера и особенностей с характером и особенностями одного предка с отцовской стороны, архидиакона Отто, что и служило для него сильным подтверждением той мысли, что семейные характеры очень часто повторяются с замечательным сходством, спустя много поколений и минуя многочисленных промежуточных членов. Отто был добродушен и легкомыслен, не искусен и небрежен в хозяйственных делах, довольно легко увлекался, глубоко чувствовал заблуждения и слабости своих современников, питал страсть к новшествам и был беспощаден относительно иначе думающих. Несомненно, что Песталоцци был прав, утверждая, что «сходство со мною проявлялось у моего родственника в самых различных отношениях».

Природные задатки чувствительности были хорошо развиты у Руссо и у Песталоцци. Факты из их первоначального воспитания приведены уже нами. Не мешает только отметить, что чувствительность Руссо развивалась главным образом под влиянием искусственных возбуждений, а чувствительность Песталоцци — под влиянием естественных. На развитие чувствительности Руссо громадное влияние оказало раннее чтение романов, которыми маленький Руссо упивался. Несправедливое жестокое наказание, вынесенное Руссо, также значительно повлияло на раннее развитие его чувствительности, оно очень много повредило правильному развитию как Руссо, так и его товарищей, выдержавших такое же наказание. Привязанность, уважение, дружба, доверие к наставникам расстроились и порвались; ученики начали меньше стыдиться поступать дурно и больше боялись быть уличенными; они начали скрываться, идти наперекор, лгать. «Все пороки нашего возраста развращали нашу невинность и безобразили наши игры. Самая деревенская жизнь потеряла в наших глазах ту кроткую и простую прелесть, которая прямо идет к сердцу; эта жизнь казалась нам теперь пустынною, мрачною; она как бы облеклась покровом, скрывшим от нас ее красоту. Мы перестали работать в маленьком садике, ухаживать за цветами. Мы уже не раскапывали земли, не кричали от радости, видя, как поднялось и дало отросток посеянное нами зерно; нам наскучила эта жизнь, мы наскучили окружающим нас людям». Так губительно подействовало на сердечную жизнь Руссо жестокое, несправедливое наказание.

В детстве Руссо были и естественные воздействия на развитие его чувствительности. Мать его умерла, дав ему жизнь. Лишенный материнских забот, он тем не менее был воспитан весьма нежно и заботливо, за ним ухаживали в первые годы жизни так, как не ухаживают за царскими детьми. Все окружающие обожали его и всегда обращались с ним, как с любимым, но не как с избалованным ребенком. Отец, тетка, няня, родственники, друзья, соседи — все окружающие Руссо любили его, и он любил всех. Исключая время, которое он проводил за письмом или чтением подле отца или в прогулках с няней, мальчик всегда был подле тетки, смотрел, как она вышивала, слушал, как она пела, и был доволен. Ее веселость, кротость, приятное лицо оставили в мальчишке такое сильное впечатление, что и в старости Руссо как будто видел ее фигуру, взгляд, движения, отчетливо вспоминал ее ласковые речи, мог сказать, как она одета и причесана. Она же внушила Руссо и страсть к музыке, которою он так сильно увлекался всю свою жизнь. Тетка знала необычайное множество арий и песенок и пела их самым нежным голосом. Некоторые песенки тетушки до самой старости вызывали у Руссо, при воспоминании о них и напевании дрожащим разбитым голосом, слезы на глаза. Другие две тетки Руссо были также женщины рассудительные, добродетельные и набожные. Отец Руссо, хотя и любил удовольствия, был человек крайне честный и весьма религиозный, большой любезник в обществе и строгий христианин в семействе. Все воспитание Руссо было в достаточной мере проникнуто религиозным чувством.

Таким образом, природная чувствительность Руссо получила сильное возбуждение от ранних детских впечатлений.

Что касается Песталоцци, то все его воспитание было не что иное, как возбуждение и развитие чувствительности. Он рос исключительно на руках любящих женщин, рос за печкой, откуда не выходил по целым годам; действительного мира и настоящей жизни он не знал. В школе он также руководился сердечными настроениями и симпатиями, а не какими-либо объективными причинами. Широко и глубоко развитая чувствительность Песталоцци рельефно сказывалась в нем всю жизнь, она не была навеяна ему книгами, подогрета несправедливостями, а была естественным результатом его природы, а равно его детской обстановки и жизненных первоначальных условий.

Из сказанного можно сделать несколько выводов относительно воспитания детей чувствительного типа.

Существенное достоинство людей этого типа — живое, горячее отношение ко всякому делу, которым они занимаются,

полное нежелание делать что-либо ради формы, только по обязанности, без сердечного к нему влечения. Эти энтузиасты, не дельцы — и суть истинные двигатели человечества, на их преданности, на их страданиях, на их самопожертвовании и зиждется благополучие человечества. Они открывают ему новые горизонты, новые пути и страстно зовут идти по этим новым неизведанным путям. Это Колумбы, пускающиеся в безбрежное море на поиски неведомых земель. Поэтому существенные черты чувствительного типа должны быть сохранены, они драгоценны, они задаток улучшения и усовершенствования человечества. Конечно, альтруизм и сила мыслительности могут быть весьма различны у этих людей: люди чувствительного типа легко могут направить свою чувствительность на предметы эгоистического характера, даже фантазировать преимущественно о чувственных удовольствиях, как это нередко бывало с Руссо; их мыслительность, несмотря на значительные труды, может не дать сколько-нибудь видных и блестящих результатов. Но во всяком случае живое, горячее отношение ко всякому делу, за которое такой человек берется не из-под палки, в высшей степени ценно и должно быть сохранено.

При воспитании детей чувствительного типа нужно заботиться не столько об ослаблении чувствительности, сколько о развитии и укреплении таких свойств, которые у них слабы, а в то же самое время совершенно необходимы. К таким свойствам мы относим: систематическое образование, укрепление характера и хорошее развитие телесного организма.

Руссо и Песталоцци не получили надлежащего систематического образования и от этого страдали всю свою жизнь. Их ум, не дисциплинированный своевременно наукой, легко поддавался всяким односторонним впечатлениям, часто впадал в односторонности и противоречия, никак не мог выяснить хода своих рассуждений. В голове было смутно, средства для достижения поставленной теоретической цели были не ясны, постоянно приходилось рассчитывать на вдохновение, на удачу. Серьезное, систематическое образование вышколило бы их ум, научило бы внимательному, осторожному наблюдению и размышлению, внесло бы свет и стройность в их умственную жизнь.

Указывая на весьма важное значение для детей чувствительного типа серьезного систематического образования, мы считаем нужным оговориться: в заботах о нем не нужно переходить надлежащую границу, не нужно насильничать над детьми, принуждать их во чтобы то ни стало проходить положенные систематические курсы. Нужно по-

мнить, что у этих детей такова уже натура, что они не в состоянии тянуть по всем правилам обычную школьную ляжку, что они очень склонны и способны к самообразованию, каковым путем и наверстывают многие пропуски обычного школьного ученья. Нужно позаботиться о том, чтобы они получили систематическое образование, чтобы их ум был твердо и разносторонне развит наукой, чтобы у них в руках были средства для самостоятельной умственной работы; но все это нужно делать в пределах свойств их натуры, без принуждения. В противном случае легко погасить у них любовь к знанию и самообразованию. А это поважнее самого лучшего усвоения целого десятка школьных курсов.

Характер чувствительных детей обыкновенно бывает запущен, он не пользуется уходом и попечениями, или, как выражался Песталоцци, таким детям недостает мужского влияния, мужских упражнений, мужской силы, мужского образа мыслей. Они оставляются при одной своей широко развитой чувствительности, ею только и руководятся. Понятно, что результаты деятельности бывают не блестящи. Знания жизни нет, соображения средств с целью также, даже самая цель виднеется неясно. Приходится вместо деятельности фантазировать, уходить из действительного мира и витать в заоблачном. Развитие характера предполагает тщательное ознакомление с действительной жизнью, с теми препятствиями, которые в ней встречаются, с умением бороться с ними, побеждать их, или, в крайнем случае, обходит их; оно предполагает развитие стойкости и предприимчивости, а не мечтательности и фантазерства, к чему так бывают склонны чувствительные дети, к чему их так влечет. Мужские упражнения, мужское влияние существенно необходимы для сколько-нибудь правильного развития чувствительных детей.

Наконец, нужно обращать серьезное внимание на здоровье детей чувствительного типа. Слишком большая чувствительность часто имеет своей причиной слабость организма, недостаток физических упражнений, какую-либо внутреннюю болезнь. Песталоцци заметил о себе, что он в колыбели был нежным и слабеньким ребенком; позднее целые годы сидя дома за печкой, он, очевидно, имел мало случаев для шумных детских игр и разных физических упражнений. Правда, он дожил до глубокой старости, но его чрезвычайная чувствительность, непрактичность, неумение справляться с обстоятельствами и людьми не коренились ли отчасти в слабости его организма и отсутствии телесных упражнений? Руссо был так же слаб физически. С самого рождения он страдал почти постоянным

задерживанием мочи, причиняемым органическим расстройством мочевого пузыря. Позднее Руссо сделался онанистом. Маленького Жан-Жака выходила его тетка, а любовь к природе, к пребыванию в деревне, а не в городе, частые путешествия пешком, умеренный образ жизни — все это помаленьку укрепило слабый организм мальчика.

Если при воспитании детей чувствительного типа обратить серьезное внимание на указанные три стороны, то можно будет питать серьезную надежду, что дети этого типа, сохраняя свои естественные, природные сильные свойства, свою глубокую жизненность и горячность, в то же время не будут страдать от неясного, несистематического мышления и крайней неумелости осуществлять свои планы. Чувствительный тип явится таким образом усовершенствованным и даст, при такой культуре, гораздо больше, чем предоставленный лишь свойствам своей природы.

Представитель чувствительного типа
Виссарион Гр. Белинский
(1811—1848), русск. литературный
критик, публицист

Не мешает отметить, что у нас видным представителем людей чувствительного типа был Белинский. Прежде его называли «Ненстовым Виссарионом», а ныне титулуют «Великим Сердцем». Значение его определяется так: «Главная заслуга великого критика не в том, что он лично додумался до всех идей, им высказанных, а в том, что он провел их сквозь горнило сожигавшего его внутреннего пламени и сообщил им отпечаток своей идеально-прекрасной личности. Непреходящее влияние статей Белинского зиждется на том, что в них слышно биение сердца, бесспорно самого благородного когда-либо бившегося в русской груди, что в них сказались никем другим не достигнутая высота настроения, сила и глубина чувства. Великий праведник литературы русской, рыцарь без страха и упрека, на светлой памяти которого нет ни единого самомаleastшего пятнышка, был вместе с тем великим страстотерпцем новой русской мысли. Он глубоко выстрадал свои убеждения и в полном смысле слова писал лучшею кровью своего сердца» (Венгеров. Великое Сердце //Русское Богатство. — 1898. — № 3). У Белинского, несомненно, сердце преобладало над умом; его идеи были отражением идей тех кружков, к которым он принадлежал; свои взгляды и убеждения Белинский круто изменял под влиянием друзей; человек он был непрактичный, преследовал не личные цели, а благо общества и человечества, особенно обширными знаниями не отличался, здоровья был слабого, — другими словами, имел почти все черты, которые выше мы отметили у людей чувствительного типа.

Кантерев П. Ф. Из детских типов //Воспитание и обучение. — 1898. — № 11, ноябрь. — С. 401—419.

Разнообразные живые чувствования не особенно сложного и высокого порядка составляют преобладающее содержание душевной жизни детей. Умственная деятельность не столько характерна и близка детям, как чувствование, — поэтому дети с преобладанием умственной деятельности встречаются реже, чем в преобладании чувствительности. Чувствования — естественная стихия детства, в которой дети и движутся и существуют; дитя, часто погружающееся в размышления, преследующее какие-либо сознательно поставленные теоретические умственные цели и из-за них забывающее детские занятия и развлечения, детские радости и печали, перестающее и плакать и смеяться, представляется даже, как будто бы чем-то не совсем нормальным, не совсем здоровым. Обыкновенно умственные страсти разгораются позднее, в дальнейшие возрасты, подчиняя себе всецело человека, как и всякие другие страсти. Конечно, случается, что еще в детстве человека выдается умственная деятельность, определяя собою весь духовный склад будущего деятеля. Такие дети и такие люди составляют интеллектуальный тип. Присматриваясь к ним ближе, иногда встречаешь, на ряду с сильным развитием умственных процессов, равное почти по силе и развитие чувства, так что затрудняешься, к какому же типу относить подобных детей и взрослых. Они составляют как бы переход от чувствительного типа к интеллектуальному, совмещая выдающиеся свойства того и другого типа. Сначала остановимся на этом переходном или, лучше, смешанном типе, а потом обратимся к рассмотрению чисто интеллектуального типа.

II — Тип смешанный — чувствительный и интеллектуальный

Тип смешанный — интеллектуально-чувствительный
Жорж Санд (1804 — 1876), франц. писательница

Особенность детей и взрослых, принадлежащих к этому типу, состоит в раннем и сильном пробуждении чувствительности и умственной деятельности, причем трудно сказать, которая сторона душевной жизни у них преобладает. Из известных лиц любопытным образцом такого рода людей может служить Жорж Санд¹.

Раннее и сильное возбуждение умственной деятельности Жорж Санд обнаруживается в ее очень ранних воспоминаниях о самой себе. Первое ее воспоминание относится к возрасту двух лет: бонна уронила ее с рук, она ударилась об угол камина и ранила себе лоб. Испытанное потрясение было так сильно, что случай врезался в память:

¹ Histoire de ma vie. Vol. 1—4. 1893. Paris. Особенно важные тома 2 и 3.

Жорж Санд в зрелом возрасте могла припомнить красноватый мрамор камина, текущую кровь, растерянную фигуру бонны; далее — визит доктора, пиявки, приставленные позади уха, беспокойство матери и увольнение бонны. Дом, в котором произошел этот случай, был оставлен родителями Жорж Санд; где был расположен, она не помнила, ей казалось, что могла бы узнать его. Время с рассказанного случая до трех лет оставило мало в памяти девочки, лишь какие-то представленья об определенном ряде часов, проведенных в постели без сна. Эти часы заполнялись созерцанием какой-либо складки в занавеске или какого-либо цветка на обоях, полета мух и т.п. Связанные непрерывные воспоминания начинаются у Жорж Санд с трех лет.

Очень раннее начало припоминаний свидетельствует за значительные интеллектуальные задатки в натуре девочки, за ее умственную чуткость и хорошую восприимчивость впечатлений.

Будучи четырех лет, маленькая Жорж Санд умела уже хорошо читать. Обучение чтению прошло без особых затруднений, так что Жорж Санд плохо помнила процесс усвоения алфавита. Одновременно с грамотой мать учила ее молитвам, басням Лафонтена, рассказывая о рае, о Богоматери, о святых, а по одной книжке с картинками девочка сама ознакомилась с главнейшими мифологическими фактами. Наряду с религиозными историями мать рассказывала своей дочери и простые сказки, а когда и этот материал был исчерпан, то сочиняла сама, причем сочиненные матерью сказки нравились дочери не менее народных и почерпнутых из книг. А так как мать будущей писательницы во многих отношениях сама была ребенком, верования и мировоззрение народа в ней не были разрушены жизнью, да и сама она не спешила разубеждать дочь в существовании разных фантастических существ, то в головке маленькой Жорж Санд возник крайне любопытный поэтический хаос, какой только можно вообразить, в котором мирно и рядом уживались и христианские рассказы с мифологическими историями. Девочка мечтала, грезила; действительный мир, окружающая среда часто исчезали от ее взоров, и она жила в особом волшебном мире.

Вследствие такого сильного возбуждения фантазии девочка рано обнаружила собственное творчество, рассказывая самой себе вслух бесконечные сказки. Главными действующими лицами этих историй были добрая фея, добрый принц и прекрасная принцесса. Злых действующих лиц было мало, а больших несчастий в этих историях совсем не полагалось. Особенности импровизируемых сказок со-

ставляли их продолжительность и некоторая последовательность так что девочка сегодня продолжала вчерашнюю историю. Отдаваясь с большою любовью сочинению разных небывалых историй, девочка охотно и много играла, правда, не во все игры, но именно в те, которые затрагивали ее воображение. Девочка так заигрывалась, что совсем забывала окружающую мир и неприятно поражалась, когда кто-нибудь выводил ее из этого очарования. Дальнейшие обстоятельства детства Жорж Санд так сложились, что ее склонность к фантастическому творчеству не только не уменьшалась, но увеличивалась. Ей, четырехлетней девочке, пришлось прожить несколько месяцев в Мадриде, в королевском дворце, причем почти все время она оставалась одна. Прилегающие к дворцу кварталы города были тихи и пустынные, так что девочке развлекаться было нечем, и она волей-неволей должна была отдаваться отчаянному фантазированию. Эта потребность в творчестве не была заглушена и в позднейшее время бесплодным учением, получив лишь более серьезный — религиозно-философский — характер. Повсюду в своей голове подраставшая девочка носила один роман, за который сейчас же и принималась, лишь только у нее оказывалось свободное время — на прогулке, среди отдыха, в саду, в поле, в постели перед сном и непосредственно по пробуждении. Она постоянно собирала материалы для этого романа и прибавляла к нему главу за главой. Этот роман, которого ни одной строчки никогда не было написано, назывался «Корамбе».

Будучи 11 лет, Жорж Санд прочитала «Илиаду» и «Освобожденный Иерусалим». Обе книги произвели на нее чрезвычайно сильное впечатление и показались слишком короткими; она решительно не могла отдать которой-либо из них предпочтение. Религиозная поэзия читанных книг овладела ее душою, религия и роман совместились в ее уме. Хорошо усвоив фабулу прочитанных книг, она попыталась отчасти продолжить приключение изображенных героев и героинь, отчасти изменить, выкинув любовные мотивы и заменив их религиозными, военными или чувствами дружбы. Потребность такого религиозно-поэтического творчества и выразилась в «Корамбе», который представлялся Жорж Санд воплощением Божества, бесконечно добрым и снисходительным. В честь «Корамбе» девочка воздвигла жертвенник и устроила нечто вроде культа. Она отыскала в парке укромное местечко, никем не посещаемое, окруженное чащею толстых деревьев и густых кустарников, и там соорудила, при подножии большого дерева, род жертвенника, украсила его гирлян-

дами и букетами цветов и приносила на нем Корамбе жертвы. Девочка чрезвычайно увлекалась своей выдумкой. «Моя мечта становилась приятной галлюцинацией, столь частой и столь полной иногда, что я была как бы восхищена из действительного мира».

Потребность умственного творчества позднее сказала у Жорж Санд серьезными заботами о самообразовании: она много читала философов (Локка, Кондильяка, Бэкона, Лейбница, Монтеня и др.), моралистов, отчасти богословов и поэтов, она сама пополнила недочеты и пробелы своего школьного учения. А затем Жорж Санд выступила на литературном поприще, страстно увлекалась разными вопросами своего времени, много наблюдала и пережила, много писала.

Таким образом, чрез всю жизнь и деятельность Жорж Санд, почти от самой колыбели до могилы, проходит одна выдающаяся черта — значительная умственная возбудимость, сильная потребность поэтического и вообще образного творчества. Маленькая трехлетняя девочка, сочинявшая в комнате матери посреди четырех стульев бесконечные фантастические истории, и знаменитая романистка — сродни одна другой; сочинение сказок и романов — это две логически связанные между собою ступени развития одного и того же лица, одного и того же ума.

Очевидно, по этой стороне природы Жорж Санд мы должны причислить ее к интеллектуальному типу; но, параллельно с указанной стороной, в ней совершалось развитие другого весьма важного свойства ее духа — значительной сердечной чувствительности, вследствие чего ее натура является очень сложной, а тип смешанным.

Первоначально сердечная чувствительность Жорж Санд выражалась большою пугливостью. Боязливость свойственна всем детям, но у Жорж Санд она была значительнее и резче обыкновенной детской пугливости. Позднее сердечная чувствительность девочки была сильно затронута распрей, возникшей из-за нее между матерью и бабушкой. Бабушка хотела оставить девочку при себе, а мать хотела увести ее с собой в Париж. Обе любили девочку, и девочка любила обеих, но мать больше, потому что она была ближе к девочке по всему складу своей натуры; бабушка была слишком неподвижна, мало понимала потребности детства, девочка отчасти побаивалась ее и даже чувствовала иногда к ней какое-то непобедимое физическое нерасположение. Мать, желая обеспечить образование и будущее положение своей дочери, решила оставить ее у образованной и богатой бабушки и одна уехала в Париж; девочка же тосковала по матери, горячо просила ее не отдавать

за деньги бабушке. Последняя, видя, что девочка, вопреки всем заботам и попечениям о ней, более склоняется на сторону матери, решила на героическое средство: однажды она призвала девочку к себе и чрезвычайно торжественным и внушительным тоном рассказала ей совершенно откровенно жизнь ее матери, совершившей не мало прегрешений против обычной морали. Бабушка закончила свою речь такими ужасными словами: «Твоя мать — потерянная женщина, а ты — слепое дитя, желающее брость в пропасть».

Можно себе представить действие такого ужасного внушения на нежную и чувствительную девочку.

Позднее сердечная чувствительность девочки выразилась религиозным экстазом. Девочка постоянно стремилась к религиозно-нравственному идеалу, что и выразила созданием «Корамбе». Отданная бабушкой на воспитание в монастырь, она попала сначала в разряд «дьяволов», т.е. записных шалуний и лентяек, но спустя год изменилась. Однажды вечером она случайно зашла в церковь и умилилась: вид церкви, тишина и таинственный полумрак ее, молящиеся и распростертые перед образами монахини, картины, висевшие на стенах, — все это произвело на нее сильное впечатление. Она стала посещать церковь, начала читать евангелие, и мало-помалу ею овладел религиозный экстаз. Она начала горячо и долго молиться, мало спать и есть, носила на шее филиграновые четки, которые царапали кожу до крови, часто причащалась. Такое настроение продолжалось целый год, и к концу его здоровье ее пошатнулось: она стала страдать бессонницей, отсутствием аппетита, спазмами желудка, сделалась слабой и вялой, на нее нападали тоска и уныние. Ей казалось, что Господь покинул ее; она плакала, каялась, но ничто не помогало. Мало-помалу это настроение прошло.

В самостоятельной жизни Жорж Санд чувство играло весьма видную роль, в частности любовь, а ее произведения характеризуются свободой построения, не стесняющегося рамками данной действительности, и идеализацией, обилием чувств благородных порывов и стремлений изображаемых ею героев и героинь. Таким образом, трудно разобрать, чего было больше в жизни и произведениях Жорж Санд: чувства или ума.

III — Интеллектуальные чистые типы

Чистый интеллектуальный тип

Чистый интеллектуальный тип характеризуется преобладанием умственной деятельности над всеми другими. Умст-

венник — такой человек, для которого теоретические задачи и цели — самые главные в жизни, самые интересные и важные. Это совсем не значит, чтобы человек указанного типа непременно владел значительным умом, каким-либо талантом, нет, он может быть полной посредственностью, не в состоянии совершить что-либо значительное в умственной сфере, но тем не менее чрезвычайно любить умственные упражнения, высоко ценить умственные интересы. Есть же у нас очень меткая и мудрая пословица: «Охота смертная, да участь горькая». Недаром она составлена. Интеллектуальный тип характеризуется не значительностью умственных талантов, а силою стремлений, направленных в известную сторону, любовью и охотой к известному виду труда. И великий первостепенный писатель, и десятистепенный писатель равно могут быть писателями по призванию, по своим господствующим вкусам и стремлениям могут равно любить литературу; но значение их в литературе, для современников и потомства, будет совершение различное, в зависимости от их таланта. С психологической же точки зрения они совершенно сходны в том, что оба должны быть причислены к интеллектуальному типу и даже к одной и той же его разновидности.

Чистые интеллектуальные типы бывают двух главных родов: искусственные, или сделанные, и естественные, или самобытные. Конечно, в отдельности граница между ними нередко стирается и оба типа сливаются между собою; но в общем разница между ними весьма значительна, так что можно представить особую характеристику каждой из двух поименованных разновидностей интеллектуального типа.

IV — Искусственные интеллектуальные типы

Искусственный интеллектуальный тип

К этой категории относятся те лица, которые не столько по своему желанию отдаются известному виду умственного труда, сколько по внушению и настоянию других, вследствие полученного воспитания. Чем больше в какой-либо семье развиты умственные интересы, чем больше отец и мать преданы умственной работе, считают ее главным делом своей жизни, тем больше, и волею и неволью, они влияют соответственным образом и на детей. Дети растут под непрерывным впечатлением высокой оценки умственной деятельности в ее определенном частном направлении и постоянно слышат не особенно лестные мнения о всякого рода практических предприятиях. Последняя ока-

зывается чем-то низменным, не достойным вполне просвещенного человека. Дети, естественно, поддаются влиянию этих постоянных и весьма авторитетных для них суждений и взглядов и идут по той же дорожке, которая протоптана их родителями. А между тем природные расположения и способности детей далеко не всегда совпадают с расположениями и способностями родителей, настоящая природа детей изменяется влияниями родителей, приобретает другой внешний вид, несвойственные ей стремления, и иногда человек слишком поздно узнает о том, чем бы ему следовало быть. Таким образом, дети нередко оказываются не имеющими своей собственной физиономии, а делаются лишь образами и подобиями своих родителей. Этим вполне объясняется, почему сын великого писателя-беллетриста делается тоже писателем-беллетристом, не обнаруживая каких-либо особенных талантов; почему сын великого натуралиста биолога также делается ученым естественником, даря миру произведения, имеющие слишком мало значения по сравнению с великими произведениями отца. Если бы вольное и невольное влияние родителей на детей в подобных случаях было слабее, то дети, может быть, применили бы свою умственную энергию к другим поприщам деятельности с несравненно большим успехом.

Бывают родители, которые очень рано и вполне сознательно и намеренно пытаются устроить судьбу своих детей, чуть не с колыбели начиная вести их по намеченной дорожке. «Ты будешь военным, — говорит отец одному из своих сыновей, — а ты моряком», и в соответственном смысле направляет все их воспитание и образование. Один отец предназначает своего сына к ученой карьере, другой хочет сделать из него дипломата, третий — художника и т.д. Начинаются соответствующие воздействия, на детей очень рано надевается ярмо известного специального призвания, дети вырастают людьми сделанными, искусственными, теряя постепенно свой естественный облик.

Намечая очень рано профессию для сына, родители могут или отгадать, или не отгадать природные влечения и способности дитяти. Если отгадают, что бывает редко, то естественные природные влечения гармонически сочетаются с воспитательными воздействиями, и тогда развитие лица совершается вполне правильно, идет ровно и гладко; если же не отгадают, то в душу человека заносятся семена разлада, внутреннего недовольства и двойственности. Плохо понимаемая человеком сила природы будет влечь его в одну сторону, а навязанные профессиональные занятия — в другую, человеку все будет как-то не по себе, как-

то неловко, как будто платье или сапог где-то его жмет. Вольтер совершенно справедливо заметил в своей «Жизни Мольера»: «Почти все, сделавшие себе имя в изящных искусствах, отдавались им против воли родителей, и природа их всегда сказывалась сильнее воспитания».

Как скоро родители не отгадали призвания своего дитяти, то нередко между родителями и детьми возникает борьба, но дети не хотят учиться тому, чему хотят учить их родители, а избирают себе совершенно другие предметы для упражнений. Нередко бывает, что у талантливых родителей бывают весьма бесталантливые дети, которые, несмотря на все усилия родителей, не обнаруживают никаких успехов на поприще, на котором отличились родители. Рембрандт, один из величайших художников, имел сына Тита, которого он тщательно подготовлял к карьере живописца, но все его усилия оказались безуспешными, а единственная известность, какую тот приобрел, заключалась в том, что он сын своего отца.

Вообще можно сказать, что искусственно скроенные умы и подневольные профессионалисты обыкновенно не дают миру ничего замечательного, да и не могут дать: они слишком много страдают от внутреннего разлада и недовольства, от необходимости казаться тем, чем бы они не хотели быть сами. Все действительно великое и замечательное есть плод искренней любви, страстного увлечения предметом, это *conditio sine qua non*. Если нет любви, нет увлечения, то человек может делать только бездушные казенные дела, выполнять такую работу, которая не требует внутреннего огня и оживления. А такие работы никогда не бывают замечательными. Поэтому родителям следовало бы строго остерегаться готовить из своих детей искусственных людей путем раннего и неразборчивого навязывания им определенных профессиональных занятий, памятуя, что из таких людей не выйдет хороших слуг ни государству, ни обществу, что в избранной профессии такие люди не сделают ничего сколько-нибудь важного и существенного, и что, наконец, их собственное счастье и благополучие значительно могут пострадать от того внутреннего разлада и недовольства, которые будут возбуждены в них профессиональными занятиями, не отвечающими их природным вкусам, способностям и склонностям. А в раннем возрасте детей всегда легко ошибиться в их природных вкусах и стремлениях.

V — Естественные интеллектуальные типы

Естественный интеллектуальный тип

Естественные интеллектуальные типы характеризуются преобладанием умственной деятельности над всеми другими, не в силу каких-либо побуждений и влияний извне, а вследствие природных стремлений и склонностей, нередко увлекающих человека по известной дороге вопреки всем сторонним препятствиям и внешним воздействиям. Люди, принадлежащие к этим типам, бывают весьма различного склада ума. Мы остановимся лишь на двух разновидностях: естественнонаучном уме и метафизическом. Первый образцово представляет нам автобиография Дарвина, а второй — автобиография Фребеля, известного педагога, основателя детских садов.

Интеллектуалист-естественник

Тип интеллектуалиста-естественника — Чарльз Роберт Дарвин (1809—1882), англ. естествоиспытатель

У Дарвина² расположение к занятиям естественной историей обнаружилось очень рано — лет 8, а потом постепенно возрастало и усиливалось, определяя собою его образ жизни, знакомых, превращаясь в научную страсть к исследованию природы. Первоначально будущий знаменитый естествовед сказался в собирании коллекций. Дарвин старался разобраться в названиях растений и собирал всякую всячину: раковины, печати, монеты, минералы. Страсть к собиранию коллекций и естествоведению была у Дарвина очень сильна; он даже уверял один раз своего товарища мальчика, что может получать различно окрашенные растения, поливая их цветными жидкостями, хотя никаких опытов в этом направлении он и не делал. Мальчиком также Дарвин любил удить рыбу и мог часами просиживать на берегу речки или ручья, следя за поплавком; любил страстно собак, охоту и длинные одинокие прогулки, так что отец однажды сказал ему: «Ты только думаешь об охоте, собаках и ловле крыс и осрамишь себя и всю нашу семью».

Эти первоначальные вкусы постепенно развивались, крепились, становились серьезнее и многостороннее. Десяти лет от роду он начал собирать коллекции насекомых, следить за образом жизни птиц и даже делать об этом свои заметки. Маленький Дарвин удивлялся, как это каждый джентльмен не делается орнитологом. Вместе со своим братом, увлекшимся химией и устроившим порядочную лабораторию с самодельными аппаратами, Дарвин зани-

² См. Дарвин Ч. Автобиография. Т. I.: Изд. Поповой СПб., 1896.

мался химическими опытами. Занятия нередко затягивались до глубокой ночи и имели, по замечанию Дарвина, наиболее глубокое образовательное значение из всего того, чему он учился в школьные годы. Химические опыты на практике познакомили его со значением экспериментальной науки.

Позднее, в университете, в Эдинбурге, Дарвин отдавался тем же делам. Он сошелся с несколькими молодыми людьми с увлечением занимавшимися естественными науками, и помогал им в их работах; подружился с несколькими рыбаками, отправлялся с ними на ловлю устриц и таким путем собрал порядочную коллекцию морских животных; брал уроки у одного негра по набивке чучел птиц и с удовольствием засиживался у него; был членом разных обществ с естественнонаучным характером.

Перейдя из Эдинбургского университета в Кембриджский, Дарвин продолжал свои излюбленные занятия. Ничем он не занимался здесь так ревностно и с таким удовольствием, как собиранием жуков. Он их даже не исследовал, не сверял с какими-либо печатными описаниями, а кое-как лишь узнавал их названия. «Я до сих пор вижу перед собою, — говорил Дарвин, составляя свои автобиографические записки, — столбы, старые деревья или обрывы, где я делал хорошие находки». Он продолжал любить длинные прогулки и экскурсии, особенно же часто, чуть не каждый день, гулял с профессором ботаники Генсло, так что про него даже говорили: «тот, что гуляет с Генсло». Летнее вакационное время уходило на собирание жуков, чтение и недалекие экскурсии; осень вся посвящалась охоте, причем Дарвин вел аккуратнейший журнал о каждой птице, убитой в течение сезона.

Чтение Дарвина также имело особенный характер, вполне соответствовавший общему складу его ума. Еще в школе он прочитал книгу о чудесах природы и нередко вступал с другими мальчиками в споры относительно верности сообщенных в этой книге сведений. Читал Дарвин с интересом книги по химии, «Зоономию» своего деда, о британских насекомых и т.п. Он, конечно, читал книги и другого содержания (об этих книгах мы скажем после), но любимые его книги относились к области естествознания. Самое сильное впечатление, какого не могли произвести десятки других книг, оказали на него две книги: «Личные впечатления» Гумбольдта и «Введение в изучение философии естествознания» Гершеля. Эти книги пробудили в нем горячее желание своими силами хотя сколько-нибудь действовать возведению величественного здания естествознания.

Самым важным событием в жизни Дарвина, определившим всю его последующую деятельность, было пятилетнее путешествие на корабле «Бигль». Сам Дарвин утверждает, что обязан этому путешествию первым истинным воспитанием или дисциплиной своего ума. За это время он привык к энергическому труду и сосредоточенному вниманию. Все мысли его, все чтение были неизменно приурочены к тому, что он видел или собирался увидеть, и этот умственный навык поддерживался в течение пяти лет. Способности тщательного наблюдения и индуктивного вывода изоцрились в высокой степени за время путешествия, любовь к наукам мало-помалу вытесняла все прочие вкусы. В течение первых двух лет путешествия у Дарвина сохранялась страсть к охоте во всей своей силе, он сам перестрелял всех птиц и животных для своей коллекции; но мало-помалу он чаще начал передавать ружье своему слуге, так как стрельба мешала другим занятиям, в особенности геологическим экскурсиям. Дарвин незаметно для самого себя сделал открытие, что удовольствие, доставляемое наблюдением и размышлением, гораздо выше того, которое доставляется спортом. Он напрягал все свои силы во время путешествия исключительно потому, что находил наслаждение в исследованиях и страстно желал прибавить к громадному запасу естественно-исторических сведений несколько новых. Когда ему пришла в голову мысль о том, что он, быть может, напишет целую книгу о геологии виденных стран, тогда эта мысль привела его в радостный трепет. «Никогда не забуду этой минуты, — говорил Дарвин много лет спустя, — и теперь еще с полной ясностью могу я себе представить низкий навес из лавы, под которой я отдыхал, между тем как солнце обдавало своими палящими лучами все кругом; из расщелин скал здесь и там высовывались диковинные растения пустыни, а у моих ног, в лужах, образовавшихся после отлива, виднелись живые кораллы».

Вообще роскошные картины тропической растительности произвели сильное впечатление на юного исследователя, равно как величественные пустыни Патагонии и увенчанные лесами горы Огненной земли. Все эти картины, как живые, вставали перед глазами Дарвина во всю жизнь с большею отчетливостью, чем какое-либо иное воспоминание. «Зрелище нагого дикаря в его родной стране событие, которого не забудешь всю свою жизнь». Понятны поэтому глубокие перемены, которые произвело на Дарвина путешествие. Его отец, по замечанию сына, один из самых тонких наблюдателей, человек, скорее склонный к скептицизму и уже во всяком случае не зараженный верой в

френологию, при первой встрече с сыном, возвращении последнего из путешествия на «Бигле», воскликнул, обернувшись к своим дочерям: «Посмотрите, у него даже форма головы совсем изменилась».

Главным наслаждением и единственным занятием в течение всей жизни Дарвина, по возвращении из путешествия, были научные труды по естествознанию; возбуждение, вызываемое ими, заставляло его на время забывать или даже вовсе устраняло его обычные недомогания, — Дарвин был слабого здоровья. Сочиненные им книги составляют как бы путеводные столбы всей его жизни, так что последние с внешней стороны не представляют интереса. Дарвин жил в деревне и все время отдавал наблюдению и объяснению природы; в обществе он бывал мало, так как нередко хворал и вообще был физически довольно слаб.

Таким образом, с самых ранних лет жизни Дарвина мы видим значительную склонность к наблюдению и изучению природы, которая, постепенно усиливаясь, становится настоящей страстью, всецело завладевающей человеком, наполняющей всего его. Но одной этой черты еще недостаточно для отчетливого понимания умов такого склада. Чтобы составить себе надлежащее понятие о рассматриваемом нами типе ума, нужно знать, как люди с таким умом относятся к другим областям умственной деятельности, помимо естественнонаучной.

К изучению языков и филологии Дарвин был очень мало склонен и способен. Учился он, как и все англичане его общественного положения и достатка, в строго классической школе, в которой, кроме древних языков, преподавалось только немного древней географии и истории. В школе он пробыл семь лет. А между тем Дарвин в течение всей своей жизни не мог одолеть ни одного языка. Нельзя сказать, чтобы он был беспамятен: он довольно легко заучивал уроки, мог за утренней службой в церкви выучить 40 или 50 строк *Виргилия* или *Гомера*, но зато и это упражнение было вполне бесполезно, так как ни один стих не сохранялся в его памяти более 8 часов. На выходе из школы, Дарвин целые два года не брал в руки ни одной классической книги и, к своему ужасу, поступая в *Кембриджский университет*, заметил, что перезабыл все, чему учился в школе, вплоть до нескольких букв греческого алфавита. Однако он вскоре восстановил свой школьный уровень знаний и мог переводить с относительной легкостью нетрудные греческие книги, как, напр., *Гомера* или *Новый Завет*.

Дарвин уверяет, что его способность выследить длинную и совершенно отвлеченную нить мыслей была очень огра-

ничена, и потому, по его мнению, он никогда не мог бы успешно заниматься ни метафизикой, ни математикой. Одно время много читал по самым разнообразным отраслям знаний, он прочитал несколько книг метафизического содержания, но оказалось, что он не был пригоден для такого рода занятий.

В Кембридже Дарвин попытался заниматься математикой и даже брал частные уроки у одного учителя, оказавшегося очень тупым человеком, но мало подвинулся. Он чувствовал какое-то отвращение к этим занятиям, главным образом потому, что не мог найти никакого смысла в первых начатках алгебры. Дарвин жалел потом, что не успел ознакомиться в такой мере с математикой, чтобы понимать что-нибудь в ее великих руководящих началах; но он не полагал, чтобы он когда-нибудь мог далеко подвинуться в этой области. Изучение же геометрии доставляло ему большое удовольствие.

В юности Дарвин испытывал разнообразные эстетические эмоции: наслаждался картинами природы, зачитывался историческими драмами Шекспира, читал и других поэтов: Томсона, Байрона, Вальтера Скотта, Вордсворта, Кольриджа, Мильтона; приобрел некоторый вкус к живописи, так что многие картины национальной галереи в Лондоне доставляли ему истинное наслаждение, и даже наслаждался музыкой, хотя и был совершенно лишен музыкального слуха, не замечал диссонанса, не мог держать такта и петь; но при слушании музыки у него «порою пробегала дрожь по спине». Эта эстетическая восприимчивость с течением времени была утрачена Дарвином почти сполна: к старости он не мог выносить ни одной строки поэзии; Шекспир казался ему скучным до тошноты; прежний вкус к живописи и музыке почти утерялся. Музыка, вместо того чтобы доставлять удовольствие, побуждала его еще усиленнее думать о том, чем он занимался. Живописные картины природы уже не доставляли ему такого высокого наслаждения, как бывало. Дарвин любил читать из продуктов воображения только одни романы, которых и перечитал бесчисленное множество, не относясь к ним очень строго: он благосклонно судил о всех романистах без разбора. Особенно он любил романы со счастливым окончанием и был расположен издать закон против романов с несчастливым окончанием. Таким образом, «ум превратился в какой-то механизм, перемалывающий большие коллекции фактов в общие законы, но почему эта способность вызвала атрофирование только той части мозга, от которой зависят высшие эстетические вкусы, я не могу понять». Охоту к чтению биографий, путешеств-

вий и исторических сочинений, независимо от их научного содержания, Дарвин сохранил.

Наконец нужно отметить, что Дарвин не был не религиозным юношей. Когда он учился и жил в школе, отстоявшей на одну милю от дома родителей, тогда он в большие промежутки между переключками и перед запираанием на ночь частенько бегал домой. Чтобы не опоздать, ему приходилось бегать очень скоро, и так как он отличался этим искусством, то обыкновенно выпутывался успешно; когда же на него нападало сомнение, усердно молил Бога о помощи и приписывал успех не скорости бега, а молитве и дивился тому, как часто получал помощь свыше. В Эдинбургском университете Дарвин готовился в медики, но отказался от этой профессии по нерасположению к ней. Тогда отец решил, чтобы он готовился в пасторы. Дарвин согласился и с удовольствием останавливался на мысли сделаться сельским пастором. С этой целью он и поступил в Кембриджский университет. В то время он не сомневался в буквальном смысле каждого слова Библии и изучил несколько богословских сочинений. Намерение сделаться пастором как-то умерло собственной смертью, когда, покинув Кембридж, Дарвин примкнул к экспедиции «Бигля» в качестве натуралиста. Позднее Дарвин не занимался богословием.

Таким образом, существенные черты ума Дарвина были следующие: сильное природное стремление к наблюдению и объяснению природы, выразившееся собиранием коллекций, увлечением охотой, путешествием и непрерывными естественнонаучными трудами; слабость способности дедуктивного и отвлеченного мышления, сказавшаяся в нерасположении заниматься языками, математикой и метафизикой; полная почти утрата высших эстетических вкусов и эмоций и (по-видимому) религиозного чувства; полная самодеятельность в ходе всего умственного развития, так как школа в его жизни была, по его выражению, «пустым местом», была более вредна, чем полезна для развития его ума; в университетах же, где он не окончил курса, он готовился то к медицинской, то к пасторской профессиям, а сделался натуралистом. И в Эдинбурге, и в Кембридже лекции казались ему весьма скучными, и он больше занимался своими излюбленными предметами, чем профессиональными.

Кантерев П.Ф. Из детских типов // Воспитание и обучение. — 1899. — №4, апрель. — С. 129—151.

VI — Интеллектуалист-метафизик

Тип интеллектуалиста-метафизика — Фридрих Фребель (1782—1852), нем. педагог, теоретик дошкольного воспитания

Другой образец самобытного ума, но совершенно иного качества представляет собой Фридрих Фребель¹. Этот человек с детства отличался большою склонностью к самоуглублению, замкнутостью, ранним погружением в вопросы совершенно не детские; это — философ с колыбели.

Одна из причин, толкнувших Фребеля на этот путь, была его отчужденность от семьи, далекость от родителей. Мать он потерял рано, на первом году своей жизни; отец же его был человек деловой, пастор в большом приходе, постоянно занятый самыми разнообразными делами. Собственно, у мальчика не было ни матери, ни отца. Отец скоро женился во второй раз, и когда у мачехи пошли свои дети, положение мальчика в семье сделалось очень тяжелым: мачеха перестала обращать на него какое-либо внимание, не называла даже по имени, а обозначала словом «он»; физический уход за ним был очень плохой, вследствие чего мальчик приобрел некоторые дурные привычки: в играх со сводными братьями и сестрами он был, по мнению мачехи, виновником всех шалостей; на него сваливались всякие беды. Мальчик рано почувствовал свое отчуждение, и душа его наполнилась печалью; родных, близких, дорогих лиц около него не было, он был постоянно один и рос одиноким и несчастным ребенком. Что же ему было делать? Волей-неволей приходилось уходить в себя, замыкаться в себе. Он был всем чужой и все ему были чужие.

К обособленному положению в семье нужно прибавить географические условия родительского дома, в котором протекло детство Фребеля. Дом был тесно окружен другими домами и постройками; при доме были двери и огород, заходить за которые было строжайше воспрещено. Вида из дома никакого не было: вправо и влево были строения, впереди — большая церковь, а позади — стена высокой горы. Только и оставалось смотреть, что на светлое небо вверху. Таким образом, маленький Фребель жил как будто в какой коробке или ящике, из которого мог любоваться только небом.

При внешней и внутренней замкнутости, в окружающей мальчика среде была еще одна черта, глубоко влиявшая на его настроение. Эта черта — серьезная религиозность, царившая в доме. Отец Фребеля был человек искренно и глубоко благочестивый, богослов старого закала, ценив-

¹ Fr. Froebel's gesammelte padagogische Schriften. T.I. Herausgegeben W. Lange. Berlin, 1862.

ший гораздо выше веру, чем знания и науки; семья была проникнута христианским духом, домашние молитвы и посещения церковного богослужения совершались неуклонно и с подобающею серьезною торжественностью. В школе, в которую был отдан Фребель, изучение церковных песнопений и катехизиса стояло на первом плане, церковь и школа находились в самой тесной связи между собою. Самоуглублению Фребеля искренняя религиозность семьи и школы придавала особенную окраску и особенное значение. Фребель рассказывает, что в той школе, в которой он сначала учился, было в обычае, чтобы учащиеся в течение всей недели в определенное время учили наизусть одно предложение за другим какого-либо отрывка из Библии. Для этого один из учащихся, побольше, медленно читал назначенное место, а все прочие стоя повторяли за ним, пока не усваивали буквально. Когда Фребель поступил в школу, тогда дети учили следующий текст: «Ищите прежде всего царствие Божие» и т.д. Впечатление от этого урока было так сильно, что спустя 40 лет Фребель как бы слышал эти слова, произносимые каждое с особенным выражением.

Результат такого положения и настроения сам Фребель коротко очерчивает так: «Непрестанное самонаблюдение, самоисследование и самовоспитание рано сделались основными чертами моей жизни и остались таковыми до позднейшего времени».

Какие же мысли занимали маленького Фребеля? До 10-летнего возраста Фребель передумывал между прочим вопрос о половых различиях в природе. К отцу Фребеля, как к пастору, приходило множество лиц, чтобы посоветоваться о своих делах. Предметом беседований часто были брачные и половые отношения. Собеседования слышал нередко и маленький Фребель. Так как отец говорил о всех подобных делах весьма сурово, строгим тоном, то у мальчика возникала грусть о том, что люди подвержены половому различию, служащему для них источником многих бед. Он думал, что ни одно создание, кроме человека, не подчинено половой разнице. Каково же было его удивление, когда старший брат разъяснил ему, что подобное же половое различие есть и между цветами. Это открытие осветило для него всю природу новым светом, внесло примирение в его ум, покой в его сердце; жизнь людей и жизнь растений, жизнь всей вселенной явилась ему объединенной, примиренной; данное различие было принадлежностью всей живой природы.

Другим вопросом, его мучившим, было опасение скорой гибели мира. Время от времени такое убеждение распростра-

няется между людьми, — оно захватило и маленького Фребеля. При таком грустном убеждении он успокаивал себя тем, что человечество не погибнет раньше, чем достигнет возможной для него на земле степени совершенства.

Затем его удручали богословские споры отца с одним из старших братьев, изучавшим богословие. Отец был богослов старого закала, а сын ознакомился с критической философией, вследствие чего отец и сын часто не сходились в своих мнениях. Между ними разгорался спор. Маленькому Фребелю казалось, что оба споривших были отчасти правы и отчасти не правы, но примирить их он был не в состоянии.

Наконец, маленького Фребеля угнетало то, что отец часто убеждал в проповедях, что нужно следовать в жизни Христу, подражать Ему, осуществлять Его учение и т.п. Он подчинялся отцовским убеждениям в том, что все это действительно нужно сделать, но в то же время это ему казалось чрезвычайно трудным, даже невозможным. Наконец, он успокоился на мысли, что человек может достаточно подражать Христу, поступая справедливо.

При таком положении и настроении и при таких думках в детстве Фребель в юности неизбежно должен был натолкнуться на чисто философские вопросы, тем более что время его юности (конец XVIII и начало XIX столетий) совпадало с временем полного блеска и господства немецкой идеалистической философии. И действительно, его рано стали занимать вопросы о противоположности между внешним и внутренним, о единстве в разнообразии явлений природы, о жизни в материи. Еще будучи мальчиком 10 — 11 лет, он, по его собственным словам, уже предчувствовал гармонию в жизненном целом, отсутствие противоречий во вселенной, единство действовавших в ней сил. Понять это жизненное и единое целое сделалось со страстным желанием его сердца, стремлением всей его жизни. Слушая в университетах лекции по разным предметам, он повсюду искал единства, живой внутренней связи и сплошной законообразности. Все разрозненное, бессвязное отталкивало его от себя; постигнуть единство в разнообразии представлялось ему высшей задачей. «Таким образом, я непрерывно схематизировал, символизировал, идеализировал, реализировал, отождествлял и находил подобия во всех явлениях и фактах, во всех требованиях, изречениях и истинах, близко касавшихся моего духа и моей жизни; таким образом, жизнь и все явления и действия ее по всем направлениям представлялись мне не только беспротиворечивыми и гармоническими, но и простыми и ясными».

Сообразно философскому движению своего времени и господствовавшим в нем идеям, Фребель особенно стремился постигнуть единство мировой силы и закон ее деятельности и обнаружения в мировых явлениях. Эти две задачи и составляли центральные пункты его философского размышления.

Развитие Фребеля совершалось путем самообразования, школа дала ему очень мало, вся его теоретическая подготовка была очень слаба. В деревне у отца он учился в женской элементарной школе, в которой катехизис и церковные песнопения были главным предметом; потом он учился в другой мужской школе, но тоже элементарной. Эта вторая школа дала ему больше, чем первая, но нельзя сказать, чтобы много. Наиболее давалась ему математика: он мог быстро считать и разрешать арифметические задачи, но особенно легко и живо схватывал геометрические и планиметрические отношения, так что ему казалось, что каждый крестьянин в состоянии понимать их также легко. В университете он не прошел полного и связанного курса, но слушал много разных предметов преимущественно математическо-естественного характера. Эти лекции не принесли ему надлежащей пользы, с одной стороны, потому, что он был слабо подготовлен к ним, не мог должным образом следить за ними, а с другой — потому, что он всюду искал объединяющих, связывающих идей начал и на фактическое изложение смотрел свысока. Вспоминая, например, с благодарностью преподавателя ботаники и естественной истории, он замечает, что две его идеи особенно ему нравились и его удовлетворяли: мысль о родстве животных по всем сторонам, так что это родство представляет как бы сеть, и идея о том, что скелет рыб, птиц и человека по существу тождествен, что человек представляет собою высший выработанный тип, к осуществлению которого природа стремится в своих низших созданиях.

При отрывочном слушании в течение короткого времени многих курсов, при недостаточной к ним подготовке и при философских стремлениях Фребель, понятно, извлек из них не особенно много пользы. Его знания поражали своею бессвязностью и пробелами. Так, побывав в университете, он оказался очень мало знакомым с немецкой литературой; имена Шиллера, Гете, Виланда были ему долгое время не известны. Он даже был слаб просто в немецкой грамматике, а потому, когда он захотел учиться французскому языку, оказалось, что плохое знание родного есть серьезное препятствие к изучению иностранного. В латинском языке его знания были и не тверды, и не обширны. Он, по собственному признанию, отстал на много лет

от своего возраста по своему развитию, ему не доставало основных фактических знаний, а между тем он постоянно носился со следующей мыслью: «Все есть одно; все покоится в единстве, исходит из единства, стремится, ведет к единству и возвращается в единство. Это стремление к единству и к единству служит основой различных явлений в человеческой жизни. Но между моим внутренним воззрением и внешним познанием, представлением и делом лежала глубокая пропасть».

Таким образом, Фребелю пришлось образовывать себя самому, школа помогла ему очень мало. По возвращении из университета домой, к отцу, он не скоро еще открыл свое настоящее призвание: он метался из стороны в сторону, от одного занятия к другому, пробовал сделаться и лесничим, и землемером, и архитектором, пока наконец случайно не сделался педагогом. На этой последней профессии он остановился и работал на этом поприще около 40 лет. Характер его работы остался прежний: он сравнительно немного учился у других, сравнительно немного читал, но зато постоянно наблюдал и изучал детей и свои наблюдения долго и внимательно передумывал. Он почерпнул свои педагогические идеи не из книг, а из наблюдения детской природы и своих размышлений. А так как он по природе был метафизическим философом, то и его педагогические идеи получили философскую закваску, метафизическое основание. Его педагогическая система есть философско-педагогическая.

Медленным тяжелым трудом самоуглубления и творчества создавая начала своей педагогической системы, Фребель крепко держался за них. Он был фанатиком своих идей, он целые десятки лет жил, лишь передумывая свою систему, излагая и распространяя ее. Он не допускал никаких изменений в ней, он требовал от своих последователей, чтобы они слепо шли за ним, а если сделать этого они не хотели или не могли, если они не отказывались от критики и личной самостоятельности, он расходился с ними. В себя, как педагога, он верил безусловно, считал себя в этой сфере непогрешимым и никакой критики не допускал. Иди за мной и верь мне, как бы говорил он своим последователям, а не можешь верить — иди прочь. Сам он жил только своими педагогическими идеями и, кроме их распространения и осуществления, почти не знал никаких других интересов и радостей в жизни. Это был настойчивый, упрямый, фанатический педагог-реформатор, совершенно замкнувшийся в круге своих излюбленных педагогических идей. Жизнь чувства была в нем развита слабо, особенно сердечною возбудимостью он никогда не

отличался. Обстоятельства его раннего детства сделали его несколько суровым и мало чувствительным, а все его образование касалось и почти исключительно ума. Таким образом, его сердечная деятельность никогда не получала надлежащей пищи, а раннее самоуглубление и самоисследование несколько иссушило его, обессилив сердечную способность в пользу ума. Фребель был женат два раза, но детей не имел, так что настоящей семьи, а вместе и семейных чувствований он не знал совсем ни в детстве, ни в позднейшее время, и чувствования, его волновавшие, были идейные, рефлексивные, состоявшие в непосредственной связи с развитием и успехом его философско-педагогической системы, а не с отношениями к живым людям.

По-видимому, ничего не может быть различнее и даже противоположнее умов Дарвина и Фребеля, и не только умов, но и всего их душевного склада. Дарвин — натуралист, высоко ценил факты, набиравший их бесчисленное количество путешественник, коллекционер, мало способный к дедукции и метафизике; Фребель — метафизик чуть ли не с колыбели, низко ценивший фактическое знание, всюду искавший философских идей, человек, погруженный в себя, самоуглубленный, — что может быть различнее? Но эти различия суть только различия в направлении умственной деятельности; сила же и значение умственной деятельности в общем ходе жизни личности были одинаковы у того и у другого. Оба интеллектуалисты, оба страстно увлекавшиеся умственной деятельностью, видевшие в ней главнейшую задачу своей жизни; у обоих чувство, под давлением необычайного развития умственной деятельности, атрофировалось, так что оба были людьми весьма односторонними; оба были таланты-самородки, которым школа дала очень мало, которые сами должны были пролагать себе путь, всего достигать путем упорной работы самообразования.

По отношению к воспитанию и образованию людей интеллектуального типа можно и следует поставить следующие два требования: 1) образование должно действовать, а не препятствовать развитию сильных качеств, а для этого нужно тщательно наблюдать детей и применять образование к их господствующим способностям и вкусам, и 2) нужно тщательно заботиться о развитии и укреплении их чувствительности, так легко слабеющей под влиянием одностороннего напряжения умственной энергии.

Наблюдения Гальтона над свойствами людей науки

Френсис Гальтон (1812–1911), англ. психолога и антрополога, создателя евгеники

В заключение считаем не лишним указать на те свойства людей науки и их воспитания, которые нашел у них Гальтон². Он запрашивал с этой целью многих выдающихся представителей науки в Англии и получил 115 ответов, на основании которых и делает свои заключения. Первое качество людей науки — значительная энергия тела и хорошее здоровье. Мы полагаем, что указанная черта есть не столько свойство интеллектуального типа, сколько свойство английского народа. Особенной физической энергией и крепким здоровьем ученые других стран не отличаются; да и у англичан между выдающимися учеными найдутся слабые здоровьем, например Дарвин. Энергия духа, второе качество, приписываемое Гальтоном интеллектуалистам, несомненно, принадлежит им. «Я почти не испытывал какой-нибудь умственной усталости до 3-летнего возраста. Я работал обыкновенно далеко за полночь... Когда мой предмет особенно интересовал меня, я писал по семь и по восемь часов без перерыва... Если предмет меня интересовал, я никогда не думал об отдыхе». Такие свидетельства весьма характерны и отмечают одно из видных свойств интеллектуалистов. Оно стоит в тесной связи с врожденным влечением большинства ученых к науке вообще и к какой-либо ее специальной отрасли в частности. Это влечение, по наблюдениям Гальтона, свойственно не всем ученым; его лишены даже некоторые из имевших блистательный успех; но оно весьма распространено и иногда достигает силы значительной и постоянной страсти. «Если когда-нибудь существовало врожденное влечение к науке, то это у меня. Оно явилось раньше, чем я себя помню. Оно не было определено событиями моей жизни до достижения зрелого возраста; напротив, оно везде встречало препятствие... Влечение к науке — врожденное... Не думаю, чтобы оно определилось событиями зрелого возраста. Ни профессия, ни брак, ни болезнь не уничтожили его. Насколько хватает моя память, я помню себя любящим природу» и т.д.

Гальтон приписывает еще ученым склонность к практической деятельности. Один известный биолог написал Гальтону следующее: «Я имею специальную склонность только к практической деятельности, как то доказывается моею любовью к счетоводству, моею исправностью в коррес-

² Гальтон, Ф. Наследственность таланта: Пер. с англ. — СПб. 1875. — С. 300–313.

понденции и моим талантом помещать капиталы». Очевидно, эта черта тоже английская, а не всеобщая, — ученые обыкновенно бывают малопрактичными людьми и в большинстве случаев капиталов для помещения куда-либо не имеют.

Следующая характерная черта, усмотренная Гальтоном в людях науки, — независимость характера, точнее самостоятельность и оригинальность ума, не могущего помириться с рутинной. «Я бежал из школы, где мне грозила несправедливость... Мои мнения почти по всем предметам не сходились со мнением моих учителей... Я всегда шел своею собственною дорогою» и т.д. Другие черты, приписываемые Гальтоном людям науки, отличаются частным характером, каковы: склонность к механике, отсутствие интереса к политике и т.д.

Относительно воспитания людей науки представляются следующие данные. Одна группа ученых отзывается о своем образовании с признательностью по причине его многосторонности, а другая отзывается о нем с сожалением по причине его односторонности и даже исключительности. Ни один ученый, получивший разумное многостороннее воспитание, не жалуется на него, и, напротив, ни один ученый из получивших рутинное одностороннее образование (классическое) не выражает довольства им. Ученые, бывшие в больших общественных школах, большею частью ничему там не научились, они не могли там усвоить того, чему их учили, и от всего сердца проклинают рутинную систему образования. Многие горько жалуется на поверхностное и плохое обучение («упущение почти всего, что полезно и хорошо, исключая умения читать. Латынь, латынь, и латынь!»). Хорошие же стороны указываются следующие: «1) свобода следовать собственным склонностям; 2) значительное количество времени, предоставленное в полное собственное распоряжение; 3) крайняя степень свободы». Сам Гальтон предлагает для людей науки следующий курс: 1) математика преимущественно прикладная; 2) логика; 3) наблюдение, теория и опыт по одной, по крайней мере, отрасли науки; 4) рисование; 5) механические манипуляции. Этого ему кажется достаточно, потому что, по его наблюдениям, люди науки формируются не при посредстве слишком обильного обучения, но скорее при посредстве такого метода, который возбуждает их любознательность и любовь к самостоятельным научным занятиям. Слишком обильное обучение дает молодому человеку массу знаний, но часто раньше времени пресыщает его. Поэтому нужно основательно обучать нескольким однородным предметам, поощряя

всестороннюю любознательность и не обременять слишком ума.

Кантлер П.Ф. Из детских типов // *Воспитание и обучение.* — 1899. — № 6, июнь. — С. 225—238

VII — Эстетический тип

Эстетический тип — Джон Рескин (1819—1900), англ. писатель, теоретик искусства, отличался изысканностью слога

Между разновидностями, которые представляет склад человеческой души, не особенно часто встречается чистый эстетический тип. Материальные заботы, одолевающие человека, так велики и разнообразны, материальная культура так богата и влиятельна в жизни, а, с другой стороны, духовные интересы так полно и, кажется, даже всесторонне представлены наукой, религией, нравственностью и искусством, в обыкновенном его виде и смысле, в связи с материальными интересами, что чистый эстетический тип, ставящий красоту выше всего, живущий только ею и от всего ради нее отрекающийся, есть, как будто бы, что-то неестественное в нашей жизни, какое-то противоречие всему нашему жизненному укладу. Подобный тип должен был, по условиям деятельности исообразно характеру мировоззрения, часто встречаться в Древней Греции; в современной же Англии с ее торговыми и промышленными интересами он кажется решительно неуместным. А между тем в Англии мы его и находим в самом чистом виде в лице Джона Рескина. О Рескине, как об эстетике, мы и будем говорить, не касаясь других сторон его деятельности.

Выше красоты, существеннее, значительнее ее во всем мире для Рескина ничего не было. Он принадлежал к той немногочисленной ныне группе людей, для которых солнце и природа во всем ее величии и блеске есть бог; которые были вполне счастливы, наблюдая различные видимые вещи, любясь извилами речек, склонами холмов, густыми лесами и тихими заливами, которые, умирая, и в небе желали найти то же, что так любили на земле, которые не стремились ни к какому новому небу, помимо земли, бывшей для них небом. Обожание природы, благоговение пред ее красотами составляло в Рескине самую выдающуюся черту; природа господствовала в духовном мире Рескина, она управляла его мыслями, она одушевляла его чувствования. Когда он погружался в созерцание природы, ничто не могло пробудить его из этого очарования. Около него могли жить многие лица, встречаться с ним, —

он не знал их; важные события могли совершаться в данное время, и он не обращал на них никакого внимания, не интересовался ими. Во время падения Хартума с героем Гордоном Рескин любовался природою, жил лишь ее красотами и иногда только с любопытством спрашивал: «Кто такое Судан?» — Кто в данное время побеждает и берет верх, Дизраэли или Гладстон?. Рескину было совершенно безразлично, и он подобными вопросами не интересовался.

Даже события непосредственно его касавшиеся, обстоятельства его частной жизни, не могли вывести его из того очарования, в которое погружала его природа. Во время пребывания своего в Швейцарии, в Альпах, он узнает о смерти своей двоюродной сестры Марии, подруги его детских лет и сотоварища первых путешествий; известие несколько его не трогает, он хлопочет лишь о том, как бы получше воспроизвести эффект солнца, восходящего над горой, уловить особенные свойства воздуха в это время. В 1848 году Рескин под влиянием своих родителей и друзей женился на молодой девушке замечательной красоты. Женитьба несколько не изменила его настроения, его горячей преданности природе, его восторгов пред ее красотами. По прошествии шести лет жена покинула Рескина и брак был расторгнут законным обрядом. Рескин остался равнодушен и к этому факту: его глаза и внимание были по-прежнему прикованы к видам природы, он их любил, ими горячо интересовался, а неверность жены не произвела на него впечатления. Ранее женитьбы красота природы исцелила его от несчастной любви. Он влюбился в одну француженку, к которой весьма была не расположена его мать и которая, в свою очередь, оставалась совершенно равнодушной к неловкому эстету. Француженка вышла замуж, и это так огорчило Рескина, что только долговременное путешествие по всей Европе успокоило его.

Понятно, что Рескин был далек от каких-либо частных объяснений и красоты, например, пользой ее. Такое объяснение казалось ему слишком низменным. Он находил необъяснимой красоту природы, а с ней и всю природу. Ни разум, ни вера не разгадали этой тайны. Он резко выражался о науке, которая берет на себя все объяснить, но на самом деле далека от настоящих объяснений; двери в неизвестный таинственный мир, которые наука старалась отпереть, остаются по-прежнему закрытыми. Христос для него есть высокий и милостивый художник, который своими руками создает прекрасное жилище для людей: Он садовник, встреченный Магдалиной и заботящийся о вновь произрастающих цветах; Он неизвестный живописец.

сец, одушевляющий бездушные очерки; Он тонкий ткач, приготовляющий для лилий одежды более блистательные и тонкие, чем какие были у Соломона; Он виноградарь, принятый в Кан и еще и ныне в каждой висящей виноградной кисти превращающий в вино воду неба и земли. Христос есть все, что воскресает весной, что блестит на горах, все, что испаряется и поднимается к небу. Христос есть природа, Христос есть красота, Христос есть любовь. Незадолго до своей смерти (в сентябре 1888 г.) в своем как бы литературном завещании Рескин, соединяя в краткую формулу свои взгляды на красоту, писал следующее: «Познание красоты есть истинный путь и первая ступень к познанию добрых вещей и добрых отношений, а законы, жизнь и наслаждение Красотой в материальном мире Бога суть столь же вечные и священные части Его творения, как в мире духов — добродетель, а в мире ангелов — обожание». Как сложился такой тип? Какие обстоятельства обусловили душевный склад чистого эстетика?

Эстетическую жилку Рескин наследовал от своих родителей.

Семья жила созерцанием красот природы, эстетический энтузиазм был ее господствующим настроением.

Отец Рескина был лондонский купец, торговавший хересом, тонкий эксперт по этой части и чрезвычайно пунктуальный во всех своих делах. Но он имел при этом слабости артиста. Лишь только возвращался он из конторы к себе домой, как становился энтузиастом и мечтателем: гармоническим и страстным голосом он читал Шекспира и Вальтера Скотта жене и сыну, рассматривал гравюры и акварели или, разложив карты Швейцарии и Италии, мечтал о путешествиях по этим живописным странам, где горы так белы, а волны так сини.

Мечты старшего Рескина сбылись наконец: он разбогател, торгуя винами, так что оставил своему сыну капитал в пять миллионов. Страсть к путешествиям, к наслаждению прекрасными видами природы могла быть удовлетворена вполне, и старший Рескин путешествовал очень много. Каждый год в мае месяце Рескин отправлялся в путешествие по своим торговым делам. Жена Рескина не хотела его покидать, желала предохранить его от усталости и отправлялась вместе с ним. Они захватывали с собой своего единственного сына, сажая его между собою, бонна помещалась позади кареты, и вся семья отправлялась в путь. Каждый вечер, по окончании своих деловых визитов и переговоров, отец Рескин водил своего сына по развалинам, замкам, соборам, встречавшимся на пути. Пяти лет Рескин-сын посетил область озер в Шотландии; шести лет он

был во Франции, в Париже, во время коронационных празднеств Карла X, посетил поле сражения при Ватерлоо потом он возвращается в Англию, повсюду делая заметки и рисунки, описывая колледжи и храмы, могилу Шекспира, игольную фабрику в Бирмингеме и самые разнородные вещи, встречающиеся ему на пути.

Рескины вообще жили довольно уединенно, а во время путешествий решительно не любили заводить знакомства. Их общество составляли легендарные и романтические лица из произведений любимых авторов. Они путешествовали единственно для наслаждения видами природы, как завязые живописцы и художники. Ни приключения, ни встречи в пути их не занимали. Богатство доставляло им полный комфорт во время путешествий, а незнание иностранных языков уединяло их даже и в толпе и доставляло особенное удовольствие походить среди шумной толпы, не понимая ни одного слова. Каждый жест, каждый звук голоса оценивались ими с художественной точки зрения помимо какого-либо другого значения и смысла, как в хорошей опере или пантомиме. Это была замечательная семья чистых эстетиков, которые на все в мире смотрели с эстетической точки зрения и больше всего ставили красоту. Мать Джона Рескина приходилась двоюродной сестрой своему мужу и росла вместе с ним. Так как у Рескина-отца были сначала долги, то его будущая жена внушила ему, что первая обязанность мужчины — нажить состояние. Объяснившись в своих чувствах, они для вступления в брак ждали того времени, когда все долги будут покрыты и торговое дело будет налажено твердо. Ждать пришлось девять лет. Когда однажды торговый баланс показал, что актив превосходит пассив, они женились.

Мать Рескина была строгая евангеличка, ненавистница папы, преданная, гнушавшаяся театром и любившая цветы. «Она соединяла в себе дух Марфы с духом Марии», была неутомима, систематична в деятельности и жила только своим мужем и своим сыном. Последнего она так оберегала, что готова была ехать с ним в Оксфорд или за границу чтобы не оставлять его в течение его занятий, предохранять от всяких неприятностей и опасностей. Она рисковала изнежить его и сделать неловким, так как мальчик был освобожден решительно от всяких забот. Строго последовательно и методически она давала своему сыну ежедневно урок по закону Божию, никогда не переутомляя и не надоедая.

И муж, и жена были характера ровного, спокойного, отличались выдержанностью; единственной их страстью была страсть к прекрасным видам природы. «Никогда, — гово-

рит сын, — я не слышал, чтобы их голоса возвышались во время спора, никогда я не видал, чтобы строго выговаривали прислуге». В доме царила мягкая дисциплина, господствовали мир, повиновение и вера.

Таковы были родители знаменитого эстетика и его семейная обстановка. Очевидно, у Рескина была наследственная эстетическая жилка, так как оба родителя были энтузиастическими поклонниками красот природы и их главная духовная пища заключалась в эстетическом созерцании природы; обстановка же семьи была такова, что это наследственное расположение нашло прекрасную почву для своего развития.

Рескины сначала жили в Лондоне, где, конечно, представлялось весьма скудное поле для развития эстетического чувства будущего писателя о красоте природы. Его врожденный вкус к формам и цветам мог находить применение лишь в рассматривании рисунков на коврах и построек из кирпича и лишь изредка питался более обильно и разнообразно во время путешествий к теткам за город, когда пред глазами маленького эстетика являлась настоящая природа. Зато и восторг его в этих случаях был велик. Ему все казалось в то время столь прекрасным; он так внимательно смотрел, так много было предметов, стоящих восхищенного созерцания, что он кричал своей перепуганной матери: «У меня глаза хотят выскочить из головы!»

Обстоятельства изменились к лучшему, когда родители Рескина переехали на жительство из Лондона в его пригород и поселились в отдельном удобном доме с садом, на склоне одного холма. Из окон дома был хороший вид: с одной стороны зеленые луга, деревья, дома, разбросанные здесь и там, а с другой — взор переносился чрез Лондон к Виндзору и Гарроу. Вокруг дома был сад с хорошими газонами, с плодовыми деревьями, приносящими много прекрасных плодов. Мальчик любовался цветом плодов, широкими листьями деревьев, переливом и отражением света, тенью. Сад казался ему настоящим раем и отличался от рая только тем, что в нем не было прирученных животных и что все плоды были воспрещены. Когда погода была благоприятная, мальчик проводил в саду все свое время, изучая растения. Он не имел никаких попечений ни о птицах, ни о деревьях, он только созерцал их. Побуждаемый чувством удивления к природе, он разрывал каждый цветок на кусочки и узнавал все, что только можно было узнать детскими глазами.

В зимнее месяцы Рескин сидел в комнатах, рассматривая гравюры, разбирая свою минералогическую коллекцию,

наблюдая отражение света. Его духовные интересы и стремления все более и более сосредотачивались на красоте предметов, на пейзажах и фигурах, ослабляя и даже разрушая все другие чувства. Все его действия определялись эстетическими впечатлениями. Одну свою маленькую кухню он не любил потому, что она носила букли на такой манер, который казался ему неэстетичным. Если ему случайно приходилось быть с визитом, то он обращал внимание лишь на картины, украшавшие комнату, и никакого внимания на людей. В Оксфорде он не мог выносить фигур некоторых тьюторов и товарищей потому, что они не были достаточно характерны с артистической точки зрения, и слушал известных профессоров по той причине, что они имели некоторое сходство с Эразмом Гольбейна или Меланхтоном Дюрера. Очень любивший геометрию, Рескин, однако, сейчас же охладевает к ней, как скоро от наглядных и осязательных измерений дело переходит к алгебраическим доказательствам, выражающим отношения буквами и цифрами. В вещах его интересовала лишь их эстетическая сторона, то наслаждение или страдание, которое они причиняли глазам.

Наслаждение красотами природы так поглощало Рескина, что у него в сердце не оставалось даже довольно нежности для родителей. «Моя мать, — говорил он, — главное свое удовольствие почерпала в уходе за цветами, часто она садилась их или подрезывала возле меня, по крайней мере, в тех случаях, когда я желал быть возле нее. Но ее присутствие не возбуждало во мне ни принужденности, ни удовольствия. Часто оставаясь один, я вел независимое существование». Будучи уже стариком, он говорил про себя: «Я ничего не любил! Мои родители были для меня в некотором роде лишь видимые силы природы. Я любил их не больше, чем солнце и луну». А вне своей семьи маленький Рескин ни с кем не был дружен; семья жила уединенно и замкнуто.

Таков был Рескин мальчиком, так он развивался, таково было его настроение.

IV

Вся дальнейшая жизнь и деятельность Рескина была ни чем иным, как последовательным развитием начал, так определенно обозначившихся в детстве. Созерцание природы наполняло всю его жизнь, оно не было для него удовольствием, отдыхом от занятий, разъяснением, но составляло его серьезное призвание, к которому он приступал со свежими силами, с полной энергией, оно выражало его стрем-

ление к идеалу. Дальнейшая история его жизни была только историей его встреч с природой, его путешествий, которые он предпринимал каждый год, сначала со своими родителями, а потом, по их смерти, один. Восторженное чувство к красотам природы не угасало в нем во всю жизнь. Это чувство, по его собственным словам, «было непримиримо со всяким дурным чувством, со всякой досадой, тоской, алчными желаниями, недовольством и всякой другой злобной страстью, но глубоко соединялось с нежной грустью, со всеми справедливыми и благородными радостями и расположениями»... Описать сколько-нибудь точно это чувство обожания природы Рескин не мог. «Если бы вам нужно было объяснить чувство телесного голода такому лицу, которое само голода никогда не испытывало, то вы затруднились бы найти подходящие слова. И эта радость созерцания природы мне всегда казалась исходящей от голода сердца, удовлетворяемого присутствием великого и святого духа».

Природа, служа неисчерпаемым источником наслаждения для Рескина, в то же время возбуждала в его сердце и грустные чувствования, тревогу и беспокойство, насколько мог испытывать их Рескин. Дело в том, что с каждым годом число туристов в излюбленных Рескиным Швейцарии и Италии увеличивалось, а по пятам за ними шла и материальная цивилизация: в горах и вообще в живописных местах воздвигались громадные гостиницы, через пропасти, реки и горные руины строились мосты, по берегам озер прокладывались дороги, даже железные, и там, где некогда царила священная и величественная тишина, свистел локомотив, привозивший толпы праздных и легкомысленных туристов. На такой «прогресс» местности Рескин смотрел как на обезображивание природы и горько о том сожалел, но больше ничего поделать не мог. Даже место, на котором стоял родительский дом, где он провел свое золотое детство, было обезображено прогрессивными улучшениями и новыми постройками. В своих сочинениях Рескин не раз изливается в сетованиях на эту тему. В виду таких неприятных обстоятельств в своих позднейших путешествиях по Альпам он старался уходить подальше от путей туристов. Так как он в Альпах подолгу жила, ему, под давлением нахлынувшей толпы туристов, приходилось переносить свое пребывание в места более пустынные. Зимой и ранней весной Рескин чувствовал себя хорошо, туристов почти не было, а затем от них некуда было деться. Преследуемый туристами, Рескин решил однажды купить вершину одной горы у крестьянского общества, чтобы на ней поселиться и жить в достаточном уе-

динении; но крестьяне были поражены, зачем милорду нужно приобретать эти голые и дикие скалы, на которых травы едва было достаточно для прокормления нескольких коз. Они заподозрили милорда в том, что он открыл клад в горе, и заломили с него страшную сумму, так что Рескин, несмотря на свое богатство, должен был бросить пришедшую ему в голову затею.

Рескин не был бы англичанином, если бы остановился на одной литературной пропаганде своих эстетических убеждений, не предприняв в этом направлении мер более практического характера. И действительно, он читал очень живые и интересные лекции по эстетике, собирал богатые коллекции различных памятников искусства для наглядного выяснения своих эстетических идей, устраивал в разных местах художественные музеи, предлагая разным лицам щедрую материальную помощь для распространения эстетических идей в народе, так что в конце концов он прожил богатство, оставленное ему отцом, и по временам вынуждаем был, для покрытия расходов, к распродаже своих частных ценных коллекций различных художественных предметов.

Найти эстетический тип более чистый, чем какой представляет Джон Рескин, довольно трудно. Существенными чертами этого типа, насколько он выразился в Рескине, следует признать следующие: 1) Соответствующая специальная наследственность. Эта наследственность по своему содержанию может быть весьма различной. В данном случае она заключалась в любви к красотам природы, в другом — в любви к музыке, в третьем — к живописи и т.д. 2) Благоприятные условия для развития врожденной особенности в семейной первоначальной обстановке и в дальнейшей жизни известной личности. Это второе условие для развития характерных черт лица очень важно: без благоприятных условий среды врожденные свойства не сгинут, но, несомненно, далеко не дадут того, не будут такими, какими они бывают при благоприятных условиях. 3) В эстетическом типе, как и во всех других, встречается весьма значительная односторонность душевного склада. Вся душа сосредотачивается в одном характерном свойстве, которое чрезвычайно усиливается и подавляет другие. Какие свойства наиболее сильно подавляются широко развитым эстетическим чувством и какие усиливаются в мире и любви с чувством прекрасного?

Как показывает пример Рескина, с эстетическим чувством в полной гармонии широкая и разносторонняя умственная деятельность, опирающаяся на непосредственные наблюдения. Рескин был разносторонне образованный человек,

много изучал, много знал, но все его умственные занятия касались видимых, наглядных фактов; в отвлеченности, в метафизику он не вдавался. При его господствующем эстетическом настроении такой склад ума вполне понятен.

Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832),

нем. писатель, мыслитель,

естествоиспытатель

У Гете сильное эстетическое настроение также соединялось с высокой и напряженной умственной деятельностью, преимущественно в области исследований конкретного характера, например по естественной истории. Зато эстетическое чувство иссушило у Рескина сердце, сделало его малодоступным к симпатическим волнениям и в тесной области родственных отношений, и в широком кругу общечеловеческих интересов. Отсутствие интереса к политическим событиям указывает холодность сердца. Та же черта встречается и у Гете. Логическая связь ее с преобладанием эстетичности состоит в том, что эстетические созерцания суть удовольствия, т.е. эгоистические состояния, требующие спокойствия духа и сосредоточенности. Человеку, затянутому в житейскую борьбу, не до звуков сладких и прекрасных видов.

Кантерев П.Ф. Из детских типов // *Воспитание и обучение*. — 1899. — № 9, сентябрь. — С. 321—338.